

Третья мировая война

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

An aerial photograph of a straight road cutting through a dense green forest. A red dot is placed in the forest on the right side of the road. Four white L-shaped brackets are positioned around the red dot, forming a square frame.

Вторжение

Хватов Вячеслав

Вячеслав Вячеславович Хватов

Третья мировая война. Вторжение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66331442

SelfPub; 2023

Аннотация

Все этого ждут. Никто в это не верит. От автора: Книга "Вторжение" – первая из 4-х из серии "WW-III". Написана "Оккупация" В планах 3. "Освобождение" и 4. "Возмездие." Но само по себе "Вторжение" – вполне законченное, отдельное произведение с логичным завершенным повествованием. Писал я ее в середине десятых годов на волне страхов нашего ушибленного 90-ми годами поколения о вторжении в Россию блока НАТО. Для кого-то она сейчас даже более актуальна. В книге есть все для любителей боевой фантастики. И атмосфера ужаса простого человека, попавшего в водоворот событий, и масштабные боевые действия и партизанская борьба зарождающегося подполья и быт оккупантов и колаборационистов. И еще: книга была написана до украинских событий 2014 года и в чем-то получилась пророческой, а в чем-то в ней сюжет движется по альтернативному сценарию. Содержит нецензурную брань.

Вячеслав Хватов

Третья мировая война. Вторжение

5.02.2027 г. г. Спасск

Михаил Гришин

Снежную пыль швырнуло в пробитую в фанере брешь, и леденящие душу завывания ветра вновь вырвались из обнаженного взрывом ствола мусоропровода, ставшего похожим на минарет. Эта зауспокойная месса, этот стон брошенного и смертельно раненого города не давали мне забыться в тревожном анестезирующем сне, который вполне мог затянуться на вечность.

Я надеялся хоть немного отдохнуть от борьбы с болью, угнездившейся в перебитых ногах. И хотя ступни боль уже почти не чувствовали, в коленях она все еще пульсировала, сводя меня с ума своей неупокойностью. Но и без этого сойти с ума немудрено – сведут с ума роящиеся в черепной коробке клочки мыслей, разноцветные лоскуты образов и обрывки фраз. Нет, жизнь не проносилась передо мной вся подобно обрывкам кинофильма, как это обычно бывает в смертную минуту. Ее осколки плясали джигу над моим остывающим телом. И сложно было ухватить что-то одно, на

чем-то сосредоточиться. Я сопротивлялся, видит бог, я делал это. Негнушимися пальцами тыкал в кнопки смартфона, доставшегося мне от китайского добровольца. Этот смартфон – такое же упрямое и до сих пор еще живое существо, как и я. Мой единственный друг на многие выстуженные арктическим ветром километры вокруг. Все это благодаря Бета-вольтаическим радиоизотопным или попросту Бета батарейкам. Эти штуки, конечно, не вечные, как про них думают, но лет на тридцать переживут своего хозяина, чей труп, вмерзший в сугроб, я обшмонал дня три тому назад. Жаль для людей таких не делают, а то мой заряд вот-вот закончится. Обидно будет сдохнуть вот так, когда наши совсем рядом. Как только стихает ветер, становится слышна неутрачивающая канонада. Это китайские САУшки лупят по польским позициям. Самых китайцев в них нет, просто это их техника. Эдакий лендлиз-два. Или скорее контрабанда. Раньше лампы и вредоносные игрушки поставляли, теперь броню.

Вот и я трофеями разжился made in China. Помимо смартфона в карманы моего выдавшего виды комбеза перекочевали: плохонький китайский нож, бензиновая зажигалка, два сухпая НОАК и немного табака. Хотя и не курю, взял по привычке, чтобы махнуть на что-нибудь нужное. Сигареты были в цене...

Ха! С кем собрался меняться? – я с трудом подавил смешок.

Смеяться нельзя. Во-первых, больно, а во-вторых, литов-

цы услышать могут. Шастают тут их патрули время от времени.

Кашлять тоже нельзя. А больше всего боюсь закричать во сне. Придут и возьмут тепленьким, и чеку у гранаты выдержать не успею.

Мне повезло, что Лао Вень, так звали солдата из Поднебесной, был любителем всего русского. Они всегда хотели знать и знали о нас больше чем мы о них. Вот и Лао сохранил у себя кусочек давно сгинувшего рунета. Архив ЖЖ какого-то русского паренька под ником Боб.

Сейчас я это и читаю просто чтобы не свихнуться. Читаю и погружаюсь в светлые довоенные годы.

Особенно безмятежны первые записи. Боб пишет о своих впечатлениях об очередном блокбастере, о том, что лень идти на работу, о том, что так и не дала Ленка из бухгалтерии, хотя он и потратил за неделю на нее почти целиком свой аванс. Про футбол, про вылазки на шашлыки и прочие приятные глупости. Синописис жизни обычного офисного хомячка, сгинувшего, наверное еще в первые дни, в кровавом вихре перемен. Осколок давно разбомбленного мира...

Увлечшись чтением, я лишь по чистой случайности заметил растущую яркую полосу на стене, и тут же услышал, как заунывно, мяукающе переговариваются между собою лабусы.

Интересно, что это их так далеко занесло?

Обычно НАТОвские братья меньшие, если не катаются на

бреднях и хаммерах, стараются ходить по наезженной колее и по сугробам не лезят. А тут лопочут что-то рядом и фонариками стены ощупывают.

Чего это они? Не дай Бог припрутся в мое логово. Я выбрал себе квартиру, где почти все окна были заколочены фанерой, и в одной из комнат стояла здоровенная кровать. Решил умирать с комфортом, в общем. Только лег не на чье-то семейное ложе, а заполз под него, чтобы снаружи не было видно. Не хочу, чтобы меня еще живого с шутками-прибавками волокли за ноги в их штаб.

Где-то за перегородками глухо стукнуло, будто что-то упало на пол, тяжелое судя по звуку – и спустя пару минут через дверной проем проникло слабое жужжание работающего сервопривода.

Ага! Робота-разведчика через окно кинули. Сириус-5 или засеря, как мы его называли в отряде, был снабжен камерой, тепловизором, дозиметром и прочими приамбасами. Эта зараза на треугольных гусеницах может не только запалить, но и грохнуть. Для этого у него устройство системы 'Кольт' прикручено с магазином на тридцать патронов. Его старшие братья возле любой НАТОвской базы пасутся. Только у них вооружение получше. От пулемета 'МГ-4', до снайперской винтовки 'Барретт'.

Я пошевелился, укрываясь с головой серебрянкой – тепловизор не отобьет, но хоть визуально не обнаружат – и, укрывшись с головой, постарался дышать как можно тише и

реже. Попробуем прикинуться хладным трупом. Вот бы еще унять бешено колотящееся сердце.

Жужжание маленького движка приближалось. Как ни старались разработчики, а абсолютно бесшумным Сириус им сделать не удалось.

Вдруг все стихло. Потом совсем рядом что-то противно запищало. Я зажмурился.

Засек! Он меня засек!

Я замер. Сириус снова зажужжал. Он проверил комнату и теперь удалялся. Я выдохнул. Расслабился. Но ненадолго.

По усыпанной мусором лестнице затопали сапоги, зазвенели осколки стекла, покатила невесть откуда взявшаяся жестяная банка.

Не очень-то опасаются лабусы. Видимо настолько уверены в работе, подаренном им американцами.

Я нащупал в кармане гранату, подтянул к себе автомат и принялся согреть своим дыханием переводчик огня, одновременно стараясь глубже заползти под кровать.

Шаги на лестничной клетке стихли – видимо, проверяли что-то осматривались. А потом в квартиру вломились те самые патрульные. Сопя и переругиваясь на так и не забытом до конца великом и могучем, они что-то натужно волокли за собой.

Из моего укрытия было видно лишь пол в углу возле окна, и поэтому, что они швырнули на кровать, я не видел, но по всхлипам и стонам, раздающимся сверху, понял: притащили

одну из местных баб.

Лабусы на какое-то время притихли. Было слышно лишь натужное сопение и позвякивание НАТОвской 'сбруи'. Вот стукнула прикладом о пол винтовка, хлопнулась рядом разгрузка, и тут же заходила ходуном кровать. Сквозь скрип прорвался сдавленный крик и тут же звук удара и новые ругательства.

Я положил руку на рукоять автомата.

Эх ноги, ноги... Что я теперь? Ну, выползу наружу. Так пока буду корячиться, нафаршируют свинцом по самые гланды. Гранатой? Все равно ведь тут сдохну.

Вытащил из кармана 'эфку', разогнул усики, стараясь не нашуметь, хотя шума хватало и без этого, выдернул чеку, прижав рычаг пальцем.

Сейчас, сейчас...

Несмотря на холод, по лбу потекла тонкая струйка пота.

Когда гранатой рвет, это же наверное так больно... Господи, как же еще пожить-то хочется, узнать как там дальше будет. Вышвырнем ли гадов?

От холода совершенно задубел и потерял чувствительность палец, сжимающий спусковой рычаг гранаты. Граната была холодной как лед, казалось что она сама сделана из льда и таково мое наказание – сжимать рукой этот кусок льда, пока не заледенеет рука пока холод не доберется до сердца. Наверху тем временем один патрульный сменил в деле другого. Если раньше было слышно лишь противный присвист в

прокуренных легких первого лабуса, то этот ритмично ухал как дровосек.

Я зажмурился и разжал ладонь и... Ничего не произошло. Может так и умирают? А где боль, где грохот взрыва?

Посмотрел вниз, а палец так и остался на рычаге. Светло от холода.

'Дровосек' тем временем встал. Перед моим носом замаячили заледенелые носы армейских ботинок. Я потянулся к гранате второй рукой, и в этот момент грохнул выстрел. По мерзлому паркету покатилась и замерла, уткнувшись в ребристую подошву, гильза. Сверху, через опаленную дыру в матрасе медленно, нехотя закапала на вымерзший, заиндевельный пол багровая кровь, превращаясь на полу в подернутую блестящей пленкой измороси лужицу.

Литовцы ушли, а я с нескольких попыток вставил чеку обратно, выполз из-под кровати и попытался добраться до окна. На это ушли последние силы, и когда, наконец, удалось пристроить цевье автомата между стеклянных зазубрин оконной рамы, выцеливать было уже некого.

Суки.

Внутри меня зарождался сгусток бессильной ярости. Она отодвинула на задний план все: и боль, и голод, и отчаяние. Она придала сил.

Какого черта я не сделал это? Испугался вида собственных кишок, разбросанных по комнате? Да-да, именно так! Испугался...

И сколько бы потом не убеждал себя, что это не так, это так и есть.

Тряпка, слизняк долбанный! – стараясь не глядеть в сторону кровати, я ухватился за вещмешок и пополз к выходу. Находиться в квартире, где в задубелых от времени и мороза тряпках запуталось растерзанное тело совсем молоденькой девушки, я просто не мог.

Весь следующий день лежал возле окна в соседней квартире, держа под рукой автомат. Решил, что прежде чем уйду, прихватчу с собой парочку ублюдков. Но патрули ни в этот день, ни на следующий на эту улицу не забредали.

Есть больше не хотелось, и это плохой признак, но мне уже было все равно. Я даже подключился к какой-то сети через смартфон, совершенно не заботясь о том, что чей-нибудь сканер запросто может засечь сигнал, и уж наверняка этот кто-нибудь заинтересуется странным источником посреди руин. И тогда жди гостей.

А, ну и пусть. Нехай едут. Встретим – я со злостью рванул зубами варежку и ткнул пальцем в экран, открывая эсемеску.

Ничего особенного, массовая рассылка. Какой-то туроператор зазывал доблестных бойцов коалиции после ратных подвигов посетить один из курортов на Гоа или Мальдивах.

Конечно, слетайте, братцы. И мы вам в этом посодействуем. Упакуем в особую цинковую тару, чтобы в самолет больше влезло. Штабелями так... – я рассмеялся. Громко, никого не таясь.

Мутный, окутанный облаками диск солнца клонился к закату, а моей скромной персоной так и не заинтересовалась ни одна тварь из службы электронной разведки.

Что, сволочи, попржиали вам хвосты? Не до высоких технологий стало? Это вам не в начале войны гонять по лесу одного несчастного деда с вертикалкой сворой из пяти боевых роботов-дистанционников. Тут к вам самим на запрос-отклик в миг прилетит гостинец из-за горки. Встали мы на ноги. Особенно они наших "Точек" боятся.

Я достал обрывок листовки со своим собственным фотороботом и неумело сварганил самокрутку. Затянулся, закашлялся.

Фу, гадость какая. Нет, видать так здоровым и помру. Не пошло.

Не спалось. И поскольку веселуха сорвалась, я продолжил изучение ЖЖ Боба.

От: Bob Дата: Сентябрь 19, 2023 07:42 am none (UTC)

Ну вот и оно. "Согласно программе создания совместной ПРО РФ и США, специалисты НАТО прибыли на объекты в Печоре, Мишелевке (Иркутск), Балхаше-9 (Казахстан) и Кубинке. Ранее военнослужащие США приступили к работе на РЛС в г. Чехов, Воронеж и на командном пункте СППРН в г. Солнечногорск". Ну что, кому-то что-то еще не ясно?

От: Drakula Дата: Сентябрь 19, 2023 08:23 am none (UTC)

Bob, Оно еще раньше началось, когда в Грузии радар поставили. Теперь ждем 'Искандеры' в Калининграде.

От: Bob Дата: Сентябрь 19, 2023 08:28 am none (UTC)

Жди. По мне, так пора когти рвать в глушь, в деревню.

От: Kreol Дата: Сентябрь 21, 2023 11:03 pm none (UTC)

Какие-то вы поцреоты странные. Противоракеты в Харькове вас не устраивали. Совместная ПРО тоже плоха. Да кому вы нужны исконно-посконные

От: Bob Дата: Сентябрь 21, 2023 11:10 pm none (UTC)

Kreol пошел нах.

Drakula Я пошел тушняком, крупой и спичками затариваться.

От: Kreol Дата: Сентябрь 21, 2023 11:27 pm none (UTC)

Топай, топай, дурачок. Соль не забудь. То-то в новостях показывают, у вас там, в Расеи сплошные очереди.

Если бы эти наивные чукотские юноши знали, как они одновременно далеки и не далеки были тогда от истины. Да я и сам был таким четыре года назад. Для меня тоже все это было игрой, чем-то невзаправдашним, оригинальным хобби. Книжки тематические читал, стаптывал китайские берцы на страйкболе, резался в Арму по сетке до шести утра, кропотливо собирал тревожный чемоданчик на форуме вместе с другими диванными сурвайверами. И хотя дамочки все еще часами сидели в креслах салонов красоты, их мужья решали дела за столиками дорогих ресторанов, а детишки выводили из себя своих нянь в коттеджах-дворцах, народ попроще радовался, что улизнул от контроллеров в электричке, тащил домой накачанные нитратами помидоры и синтетиче-

ские окорочка, опаздывал к восьмой серии про космических пиратов... И это все – в то время как мгла уже тянула свои когтистые лапы к моему городу, нависая над ним, застилая солнце... И не убежать от нее в самую далекую деревню, не зарыться в самый глубокий бункер... Детские площадки еще не превращены в могильники, в магазинах еще дают еду за деньги, а не за кровь, менты еще сидят в новеньких иномарках, а не на вышках фильтрационных лагерей, все еще пьют лимонад, ходят на модные фильмы, обсуждают вчерашний матч...

Эх, если бы мы знали тогда, что делать, может, сейчас было бы полегче!

Я устал, выключил смартфон и закрыл глаза, погружаясь в воспоминания, и поэтому не заметил, как понизу бесшумно промелькнули белые тени.

Михаил Гришин

11.04.2024 г. Москва

Улицы, залитые потоками солнечного света, манили выйти, окунуться с головой в солнечный океан, явить себя миру. Еще вчера о том, чтобы пойти прогуляться, не было и речи. Не до того. Два с половиной месяца без зарплаты, очередной припоздавший прохожий, зарезанный буквально под окнами, мысли о том, что оба выходных придется убить на поиски дешевых продуктов, а весь ближайший вечер отби-

ваться от соседей-кредиторов, ошивающихся под дверью – все это не располагало. Но с утра впервые за полтора месяца выглянуло солнце, и легким теплым ветерком вмиг сдуло все проблемы и печали.

Конечно – ненадолго... Но хоть что-то.

Мы с Женькой решили никуда не ехать, а просто погулять в сквере возле самого дома. Лифт не работал уже вторую неделю, и избежать встречи с вечно дежурной по подъезду бабой Машей не удалось. Правда, 'повезло' на этот раз не нам. Сосед с пятого, вытаскивая в коридор объемистую спортивную сумку, что-то бурчал в ответ назойливой старушке.

– Надолго на этот раз, Виктор Сергеевич?

– Я... да... хм...

– Опять в Южную Африку или Париж?

– Гм... Э-э...

Баба Маша не первый день замужем. Она, конечно, уже почуяла, что помощник депутата сваливает с концами. Слишком уж неуютно стало даже в Москве. Бизнес не клеится, на улице даже бронированный внедорожник может и не выручить, дома сидеть тоже опасно. Того и гляди нагрянут: либо бригада местных, либо люди из кредитного отдела какого-нибудь банка, что мало отличаются от первых. Не увидим мы больше Виктора Сергеевича, как пить дать не увидим. Вот бабуля, судя по всему решившая оторваться по полной на подвернувшемся оловластном соседе, и начинает

издалека и ласково так...

Вырвавшись из провонявшей мочой духоты подъезда, мы с Женькой, обходя лужи и кучки мусора, весело направились в царство дорожек и лавочек. Вот, кстати, еще одна примета нынешней весны – такие привычные глазу оранжевые жилеты больше не мелькали тут и там. Словно осенние листья ветром, их разом сдуло с московских улиц и переулков. Обычно наоборот по весне все московские диаспоры прирастают многочисленными родственниками уже прижившихся в мегаполисе, но не в этот раз. Помню, пару недель назад все новостные выпуски были полны кадров с показательно снятыми с поездов смуглолицыми и белозубыми безбилетниками. Они виновато потупившись, изучали трещины на мокром асфальте и, улизнув от потерявших к ним интерес милиционеров, штурмовали следующие поезда, отправляющиеся на юг.

Миграционная служба в те дни не понимала, что ей делать, а на участковых и жэковских работниках просто не было лица. Чем они теперь будут кормиться?

Я как-то сунулся в одну из этих контор в надежде хоть попробовать метлой и лопатой заработать на какую-никакую жизнь, но там, видимо, еще надеялись на возврат к прошлым жирным временам, и мне без предисловий заявили, что мест нет.

Сквер был пуст. Остальные горожане не разделяли нашего романтического настроения, и кто-то из них сейчас ша-

стал по оскудевшим оптовкам, кто-то осматривал дачи, намечая грядки под картошку и капусту, а кто-то просто сидел дома, уставившись в телевизор в ожидании, когда умный дядя скажет, что все скоро будет хорошо. Оно и так все замечательно: котировки растут, проценты увеличиваются, показатели выше прошлогоднего уровня. Вся эта байда меня лично очень сильно настораживала. Они сейчас вели себя, как кровососущие, которые во время укуса впрыскивают какую-то обезболивающую хрень, чтобы его, этого укуса, не чувствовалось.

Больно бывает потом...

Поставив ногу на грязную лавку, я зашнуровал развязавшийся шнурок и заметил, что Женя смотрит в сторону ларьков с побитыми прошлой ночью стеклами. Посмотрел туда же.

По замусоренной дорожке вдоль ряда обпиленных тополей какой-то джигит пинками гнал мужичка средних лет, который еле-еле держался на ногах. Это Салех из кафешки 'Камелегдан', что мирно сосуществовала рядом с книжным магазином в торце нашего дома.

Салех явно развлекался. Уж не знаю, что ему надо было от бедолаги (может денег задолжал, а может просто за выпивку не расплатился), но скорее всего проблема уже была решена, и гость из солнечного Баку явно наслаждался своей неограниченной властью над 'бессловесной скотинкой'.

Не знаю, что на меня нашло. Обычно я не играю в за-

щитника всех обездоленных и угнетенных, но тут подошел и вежливо попросил Салеха отъебаться от алкаша. Наверное перечитал форумов, с бесконечной болтовней о том, как бы мы им дали, если они бы нас догнали.

– Э-э. Слюшай. Иди куда шел. Не твое дело, да? – Салех с ленцой сплюнул мне под ноги. Оценив, как я туплю, он еще раз отвесил пинка что-то мычавшему мужику и, сделав пару шагов за ним, замахнулся для нового. Я наконец сдвинулся с места, Женька попыталась ухватить меня за рукав, но синтетическая ткань куртки скользнула у нее из руки.

– Хорош уже, кому говорю. – моя рука легла на плечо Салеха. Привыкший к полному похуизму москвичей, он удивленно посмотрел на меня и резко, без замаха двинул под дых.

Было не столько больно, сколько обидно. И вот всю эту обиду, всю накопившуюся за последние годы злость я вложил в короткий и мощный удар справа. Драться совсем не умею, в армии не служил, в спортивные секции не ходил, но сейчас получилось на удивление хорошо. Салех не отлетел на три метра назад, как в голливудских фильмах, а просто закатил глаза и осел возле лавки, на которой уже пристроился тот самый мужичок.

Я потряс алкаша за плечо, но в ответ услышал все тоже самое 'бе-ме'.

Пришлось тащить придурка в теплый подъезд. Иначе околет здесь или очнувшийся Салех отделает по серьезному, сорвав на нем зло.

Всю дорогу, пока тащил за шкурку мужика, уставившегося стеклянным взглядом перед собой, Женька обиженно сопела сзади. Прогулка была испорчена. Настроение тоже.

12.04.2024 г. Москва

Наутро по дороге к метро на всякий случай обошел по большой дуге вход в 'Камелегдан'. Издалека было видно, что посетителей там не ждут, а все столики заняты земляками Салеха. Причем все стулья были развернуты в сторону барной стойки, возле которой сидело трое пожилых азербайджанцев. В зале царило оживление. Выступал невысокий худой тип с характерной горбинкой на носу. Он размахивал руками и говорил, говорил. Словно что-то доказывал своим соплеменникам.

Профсоюзное собрание у них что ли? Ну, черт с ними. Не заметили и ладно.

Я поглубже натянул шапку и заторопился на работу.

– Эй, Миха, чего тормозишь? Давай разливай, – Марат сунул мне в руки еще одну бутылку шампанского. – Сперва дамам.

И как ему удалось достать все это великолепие?

На покрытых девственно белыми листами столах, освобожденных от офисной техники и сдвинутых вместе, вперемишку лежали уже сто лет не виденные мною фрукты, вскрытые упаковки мясных, колбасных и сырных нарезок, коробки дорогих шоколадных конфет. По центру, в окружении па-

кетов с соком, стоял настоящий торт. Три вишенки на белоснежной шапке из взбитых сливок – классика.

Сладкое я раньше особо не жалован. Но с тех пор, из-за бугра как иссяк поток сахара, пастеризованного молока и всего остального, тортики, пироженки и прочие сладости, выставленные в витринах магазинов в центре Москвы, так и притягивали взгляд. Толку-то что? Вот такая, например, штукovina теперь обошлась бы мне едва ли не в треть зарплаты, которую еще нихрена и не платили.

– Марат, ты банк ограбил что ли?

– Вроде того, – он засмеялся, довольный произведенным эффектом. – Ну, народ, не стесняемся, не стесняемся. Все свои. Налетаем. – Марат подтолкнул к столу сисадмина Шурика, как и остальные, в нерешительности топтавшегося возле накрытой поляны. А с тебя, Мишаня, тост.

– А... Да, – я поднял пластиковый стаканчик и на секунду задумался. – Совет вам, да любовь... А если серьезно, очень рад за вас. Честно говоря, не ожидал, что решитесь в такое время... Да что это я? Наверное, именно сейчас и нужно... В общем поздравляю.

– Принимается, – залыбился Марат. Я махнул шампанское залпом и, поморщившись от ударивших в нос пузырьков, потянулся пластмассовой вилкой за куском ветчины.

За шампанским последовал коньячок. Это конечно не правильно, но отчего-то в этот вечер захотелось наплевать на все правила. Живительная влага согрело нутро, огонь по-

бежал по венам и народ за столом раскрепостился, зашумел. Посыпались шуточки, кто-то принялся подкалывать Марата насчет потомства. За окном тревожно завывала сирена, кто-то закричал, но на это уже не обращали внимания. Закуска таяла на глазах, но тут же чудесным образом появлялась вновь. Пирушка набирала обороты. Во все динамики орала мыльница, кто-то танцевал, кто-то, стараясь перекрыть музыку, доказывал соседу то, о чем завтра и не вспомнит. Все, как в старые добрые времена. Спасибо тебе, Марат!

Расходиться начали ближе к полуночи. Мы с приятелем отчаливали последними. Хряпнули на дорожку, и я поперся закрывать соседний кабинет, а когда вернулся, застал Марата, засовывающего в мою сумку всякую снедь.

– Послушай, не надо...

– Тебя спросить забыли. Ты вон о своей Женьке совсем не думаешь. Давай лучше помоги.

– Почему это не думаю? Ик. – Я еще раз икнул и достал из-за пазухи два апельсина.

– Короче слушать ничего не желаю, – Марат подхватил заметно потяжелевшую сумку и направился к двери. – Ты тут выключай и закрывай все, а я пошел машину греть.

– Мы что, э-э-э... Поедем что ли?

– Ясное дело, что не полетим, – и пока я переваривал эту новость, Марат Казимирович скрылся в коридоре.

– Слушай, чего-то ты странный какой-то последнее время? – со свойственной мне пьяному прямоотой спросил я те-

перь уже бывшего своего начальника, когда мы выезжали на проспект. – Ну женился, ну из Москвы сваливаешь, но на фига деньгами-то сорить и бухим за руль садиться. Не узнаю тебя, Марат. Как будто тебе все по фигу.

– Почти угадал. Мне все теперь по барабану ЗДЕСЬ. – Он сделал ударение на последнем слове. – Хату я свою уже продал, с этой шабашкой нашей покончил, чего и тебе советую. Все. Больше меня тут ничего не держит.

Я надолго замолчал, обдумывая услышанное.

Вот ведь жук. До последнего темнил. Ну теперь понятно почему бабками расшвыривается. У них там под Казанью жильё сущие гроши стоит. Хотя я бы все равно перевел в Евро, и под подушку.

– В еврики я уже часть бабла перевел, – будто угадав мои мысли, нарушил тишину Марат. – А на остальное куплю кое-чего кое-где.

– Фр-р-р. Ну и покупай, тоже мне Джеймс Бонд. Не интересны совсем мне твои тайны Мадридского двора. – на меня накатила пьяная обида. – Все вокруг такие таинственные, все чего-то знают, что-то не доступное нам, лохам.

– Заметь, ты сам это сказал, – рассмеялся приятель. – Не обижайся, но ты самый настоящий лох и есть. Ты что, не видишь, что происходит вокруг?

– Ну, херня происходит. Ну и что?

– А то, что по такой херне, скоро в столице твоей жрать нечего будет. За хавку убивать начнут. Когда еще тебе гово-

рил, переезжать надо в деревню.

– Скажешь тоже. В девяностые не многим лучше было. Выкрутились же. Вон устрою на даче грядки и...

– Много ты пацаном помнишь девяностые. Тогда голодухи избежали из-за западных подачек. За окорочка и сникерсы все распродали. А теперь и продавать нечего. Грядки. – Марат не весело усмехнулся. – Много ты в своей жизни вырастил?

– Редиску один раз. Еще укроп как-то. Яблоки там каждый год...

– Ну-ну, яблоки, – мой приятель закурил, а я насупился и ничего не ответил.

Подумаешь, на пять лет всего старше, а поучает. Хотя в глубине души понимал, что Марат в чем-то прав. Тянулся народ поближе к земле-то. Вон свою квартиру сдать который месяц не могу. Стоит мертвым грузом. Ну продам, допустим, а дальше? Женька-то со своей хатой не в жизнь не расстанется, да и куда ехать?

– Ладно они ни хера не понимают. – Мы как раз остановились на перекрестке, и Марат махнул рукой в сторону неоновой вывески над входом в ночной клуб, из дымного зева которого доносились обрывки песни: – '... вечно молодым, вечно пьяным...' – Вот именно 'вечным'. Такими и останутся. Ну ты-то... До сих пор машину водить не научился.

– Ничего перекантуемся.

– Ну, смотри. Ты мой адрес знаешь. У нас там пока еще

есть домишки пустые или к бабуле какой можно подселиться. А там вольетесь в коллектив, там подсмотришь что, тут люди подскажут, и не только редиску освоишь. Колхоз – дело добровольное. А война... Война, может, и не гражданская будет...

– Американцы что ли? Не смейся мои тапочки. Поменьше сайты эти читай параноидальные.

Тут уж обиделся Марат. Он молчал до самой развязки, на которой стояло несколько иномарок и машина ДПС перед ними.

Только мой приятель хотел что-то сказать, как мент выхватил из кобуры пистолет, и раздался хлопок. Мужик, стоявший около первой иномарки, взмахнул руками и завалился навзничь. Мент подошел к машине, открыл заднюю дверь и разрядил в салон всю обойму.

Я с открытым ртом смотрел на детскую шапочку, упавшую на мокрый асфальт, а вот Марат не растерялся. Он дал задний ход. Наша тачка резко развернулась и стартанула прочь от развязки.

– Знаешь что? – Марат все еще продолжал время от времени оглядываться, хотя отъехали мы уже прилично. – Пожалуй, я тебя до самого дома довезу. – С этими словами он покопался под креслом и положил на торпеду небольшой пистолет. Газовый или боевой, я в этом не разбирался, но уверенность эта штука внушала.

– За что он их? Видно же ведь, что не бандиты. Ребенок

там...

– А хер его знает? Они нас давно за людей не считают. Мы для них дойный скот, быдло. И вот это быдло замычало что-то в ответ... Говорю тебе, рвать отсюда надо к своим. Вместе держаться. Приехали.

Возле дома было хоть глаз выколи. Весь дом словно затаился. Только в 'Камелегдане' горел свет. Из кафе раздавались громкие возгласы на чужом языке.

Эти ничего не боятся.

– Знаешь, вот еще что, – Марат сунул руку во внутренний карман и извлек толстую пачку пятидесятитысячных купюр. – Бери.

– Что ты! Не надо!

– Бери, бери. У меня в рублях еще до фига, а чувствую, что скоро ими сортиры оклеивать будут.

– Ну так не оклеивают же пока.

– Вот и бери. Потом сочтемся.

– Я как только устроюсь еще куда-нибудь, с первой зарплаты начну тебе высылать...

Марат помахал мне рукой, и его 'Вольво' скрылась в арке дома.

– Эти приходили, – Женька закрыла за мной дверь и покосилась на сумку.

– Кто эти? – не понял сразу я.

Женька молча кивнула в сторону стены, за которой и еще за множеством этажей и квартир процветал 'Камелегдан'.

– Ну и что?

– Да ничего. Полупили в дверь, поорали чего-то и ушли.

Я сел в кресло. Вырисовывалась не хилая проблема. И черт меня тогда дернул?

Что теперь? От ментуры никакой защиты – это понятно. Откупиться? Даже тех денег, что дал Марат, не хватит.

И тут у меня перед глазами всплыл тот аккуратный пистолет, лежащий на рапиде.

13.04.2024 г. Москва

На следующий день, закинув за плечо пустой рюкзак и строго-настрого наказав Женьке не открывать никому дверь, я отправился на оптовку. Всех денег конечно с собой не взял. Распихали по тайникам основную их массу. Только без толку все это. Домушники, они четко знают все про наши заморочки. Вон в прошлом году, когда обнесли квартиру Женькиной сестры, даже гирьки от часов и те раскрутили.

Померзнув на остановке в ожидании автобуса, который с зимы стал ходить раз в пять реже, я еле влез в переполненный салон. 'Икарус' казалось, разбух от спрессованного внутри народа, и из раскрытых дверей торчали филейные части одуревших от борьбы за свободное место граждан. Как я влез туда, сам не понимаю.

– Слышь ты, толстый, слезь с моей шеи.

– Локти свои в карман засуньте.

– А-а-а. Козел, лапы убери.

– Саша, Саша, на Заводской выходим.

– Извините, вы не могли бы отдать мою сумку?

Вот когда я пожалел, что не ношу плеер с наушниками. Полчаса такого 'удовольствия' надо еще выдержать. Но вот через пару остановок народ уgomонился, и там, где-то за нагромождением потных тел, из динамиков подвешенного к потолку монитора зазвучала музыка, и томный женский голос произнес:

– Ты по-другому смотришь на жизнь? 'Витарин' знает что делать. Комплекс 'Витарин' и нет проблем.

Видел я эту рекламу по телевизору. Комплекс и без нее пользовался популярностью. Молодняк не хотел служить в армии даже год. Властьимущие так перестарались со своими реформами, что даже в придворных Кантемировской и Таманской бригадах и во внутренних войсках по борьбе с населением был зверский недобор. Начали закручивать гайки. И в последнее время дело дошло даже до облав на потенциальных призывников. А 'Витарин' – симпатичная такая коробочка с разноцветными капсулами и был тем спасением от армии. Правда цена доходила до тысячи евро, но работало это средство безотказно. После употребления волшебных капсул, в зависимости от их комбинации, человек временно становился либо дауном, либо припадочным. На медкомиссии у румяного здоровяка вдруг обнаруживался порок сердца или жесточайший диабет. Только вот что было с откосившими дальше? Такой статистики никто не вел и исследова-

ний на эту тему не проводил.

Говорили вроде про одного моего знакомого, что так теперь и ходит, пускает слюни. Врать не буду, сам не видел, но думаю, что такое насилие над организмом по любому ничем хорошим закончиться не может.

Автобус, тем временем, сделал круг на пяточке возле оптовки, и, выплюнув пассажиров, умчался за новой порцией. На самой толкучке, между рядами, шныряло не так уж и много народу, как можно было подумать. Большинство сразу разбредалось по известным им точкам, с дешевыми крупами, тушнякам или сигаретами. Я завсегдаем оптовки не был, такой ценной информацией не обладал, и поэтому двинулся вдоль ближайшей линии ларьков, чтобы прицениться и вообще посмотреть, что к чему.

Соленые огурчики, квашеная капуста.... Захотелось пить. Потягивая дешевое светлое пиво, углядел скучающего мужика неопределенного возраста, то и дело поправляющего кепку, сползающую с его лысой головы. На прилавке у него лежала всякая кухонная утварь. В том числе и ножи. Некоторые из них меня заинтересовали. Особенно тот, с канавкой для стока крови и такой предохранительной хренью, чтобы при ударе свою же ладонь не порезать.

– Интересуешься? – небритая физиономия лысого расплылась в улыбке.

– Да. Вот этим. – Я ткнул пальцем в понравившийся мне нож и тут же задал самый дурацкий вопрос, который только

можно было придумать. — А это законно?

Улыбка медленно сползла с лица мужика.

— Ты кто такой? — он высморкался в рукав и, прищурившись, осмотрел меня с головы до ног. — от Ящера что ли?

— Н-нет... Я просто... — тут я выдал еще хлеще. Сам от себя такого не ожидал. — Мне пистолет нужен.

От удивления у продавца аж приподнялся козырек его потертой кепки. Он секунд десять смотрел куда-то мне за плечо, нервно жуя при этом спичку, а потом как-то буднично сказал:

— Пошли.

За товаром осталась приглядывать вынырнувшая откуда-то толстая девчонка лет двенадцати, а мы зашли за ларек и по узкой тропинке, петляющей между кустов с сохранившейся еще прошлогодней листвой, потопали к старому железнодорожному мосту.

Мда. Ну и местечко! Сейчас заведут подальше и грохнут. Ну в лучшем случае просто дадут по башке и обчистят. И что я за идиот? Надо было у того же Марата разузнать: как, где, почему.

Железнодорожный мост представлял из себя две толстые бетонные плиты, перекинутые через овраг, по дну которого шла та самая тропинка, что привела нас сюда. Здесь она превращалась в вяло текущий ручеек. Склоны оврага укреплены сырым, потрескавшимся от времени, украшенным граффити бетоном. Бетонные же опоры моста образо-

вывали темный тоннель, с едва угадывающимся прямоугольником выхода в конце.

В этой-то темени я и разглядел двоих, стоявших возле видавшей виды шестерки, да и то только благодаря на мгновение вспыхнувшему огоньку зажигалки. Сердце екнуло, и по спине пробежал холодок.

– Малхаз, я тебе клиента привел, – крикнул мой проводник.

– Тише. Что орешь, Шмуля?

Шмуля поручался с тем, кого назвал Малхазом, и с его компаньоном, и этот второй кавказец открыл багажник шестерки, набитый доверху ящиками с помидорами.

– Что конкретно желаешь, уважаемый? – обратился ко мне Малхаз. Говорил он практически без акцента, но без "уважаемого" не обошлось.

– Что-нибудь попроще. 'Макаров', например.

– Вот и хорошо, что 'Макаров'. Далеко лезть не придется, – с этими словами хозяин шестерки отставил в сторону верхний ящик и, покопавшись в следующем, извлек на белый свет коробку, завернутую в грязное вафельное полотенце.

– Вот, практически новый, – Малхаз покрутил в руке пистолет, передернул затвор, вынул и вставил магазин. – Пять штук.

– Хуя се, – решил я поторговаться, хотя совершенно не представлял, сколько может стоить ПМ.

– Ну, четыре пятьсот и запасная обойма, – легко согласился торговец, чем вернул меня к мыслям о том, что никто и ничего продавать мне не собирается. Правда, может быть и такое, что пистолет стоит еще меньше и кавказцы элементарно пытались развести лошка. Но вся-то беда в том, что у лошка денег всего ничего. На коробку тушенки и мешок крупы максимум. Времена, когда за автомат Калашникова можно выменять разве что пяток банок тушняка, еще не наступили. Программа нефть в обмен на продовольствие исправно действовала в нашей стране с начала девяностых и по сей день. Только многие спинным мозгом почувствовали, что кому-то там за бугром сильно надоела эта ситуация, когда эти русские бездельники и неумехи живут буквально за чужой счет, выкачивая из земли ресурсы, по праву принадлежащие всему человечеству.

Я-то сам так в принципе не думал, но после того, как в последние год-два вдруг иссякла раздражающая американофобия в наших СМИ и после некоторых событий, стал об этом задумываться.

Однако сейчас мне было не до мировых проблем. Денег мало, а отказаться от покупки уже нельзя. Наивно рассчитывать, что вот сейчас скажу, мол, передумал я, мужики, и меня просто так отпустят. Предложение сгонять домой за деньгами тоже явно не прокатит.

– В рублях потянет? – я огляделся по сторонам в поисках путей к отступлению. Вариантов практически не было. Но-

чью опять приморозило, утром подтаяло, и под слоем жухлой листвы притаилась вязкая грязь. Особо не побегаешь. Да и пуля всяко быстрее.

– Потянет, потянет. Ты не тормози, давай бабло.

Нужно что-то делать. Ну хотя бы сначала отдать им все, что у меня есть.

Я медленно сунул руку во внутренний карман куртки и вытащил пачку десятитысячных купюр. Подозрительно толстую, кстати. Там было явно больше, чем собирался взять с собой на оптовку. Одна, две, пять тысяч евро, и даже больше. Почти половина того, что мне дал Марат.

Отслюнявил четыре пятьсот Малхазу, убрал остальные обратно в карман, схватил коробку и, запихав ее в пустой рюкзак, потопал в сторону оптовки.

Добрался без приключений, пошатался немного туда-сюда, чтобы окончательно придти в себя, наполнил помаленьку рюкзак всякой жратвой и поехал домой.

Пока стоял на остановке и трясся в автобусе, голова была совершенно пустой. Поэтому и не спросил Женьку про деньги. Она сама сообщила мне, что зная мою жлобскую натуру, положила побольше. (Вдруг пригодятся?)

Вот ведь дура баба, а получается, жизнь мне спасла. Однако сколько денег... Похоже, Марат мне штук пятнадцать европейских тугриков тогда сунул. Это он от меня, получается, откупался тогда. Подсознательно вину свою заглаживал. Чувствовал себя, значит, виноватым, в том, что останет-

ся жив, а мы все тут выйдем.

Я стоял в душе, под теплыми струями чистой воды и мне вдруг стало страшно, что скоро ее не будет, как не будет газа и климатического холодильника, теплого пола и кофемашины с таймером. Да много чего...

14.04.2024 г. МакЛин, графство Фэрфакс, штат Виргиния. Лэнгли

Чарльз Стейни вот уже полтора года возглавлял офис российского и европейского анализа в директорате разведки ЦРУ. Не дай Бог какая должность, но по сравнению с тем же Национальным контртеррористическим центром, откуда его перевели, куда как спокойнее. Было спокойнее. Но в последние месяцы – словно сглазил кто-то. Особенно Стейни не нравилось иметь дело с агентами, работающими по программе 'Самум'. Попрошайки еще те. Еще со времен Джона Теффта с его 'Конгрессом горских народов Кавказа' повелось это безобразие. Тогда через 'Американский Комитет за мир в Чечне' переименованный позже в 'Американский Комитет за мир на Кавказе' прокачивались бешенные суммы, что характерно – наличными и без расписок. Но в те годы в его состав входили Кеннет Адельман и Мидж Дектер со своим 'Фондом Наследие', Майкл Ледин с 'Американ Энтерпрайз Институт', Джошуа Муравчик с 'Американским Исследовательским институтом Общественной Политики' и даже Алексей Семенов с 'Фондом Сахарова'. Вот эта компаши-

ка и пилила отпускаемые средства вместе с немытыми горцами, пока кто-то на верху не решил, что затраченных усилий и средств вполне достаточно. Денег не хватало, в приоритете ныне была Азия и Ближний восток – финансирование сократили. Теперь на расплодившиеся национально-освободительные движения Кавказа выделяли столько же средств, сколько и в других территориальных отделах. И по стандартной бюрократической процедуре, с отчетностью за каждый потраченный цент.

Сейчас перед Стейни лежал очередной отчет от куратора 'Свободной Адыгеи'. Куратор был не свой, из кузенов, они давно на Кавказе работают и понимание ситуации у них не в пример лучше. Все хорошо: схема с ФИО и должностями разветвленной сети информаторов, список лояльных и готовых к сотрудничеству, не бесплатному естественно, чиновников, состав и укомплектованность боевого крыла... И внизу кругленькая сумма со многими нулями. Конечно же, она расшифрована постатейно. Сорок три пункта...

Чарльз вздохнул, поставил свою визу и поплелся в офис поддержки – так это теперь называлось – собирать остальные.

Михаил Гришин

14.04.2024 г. Москва

Как-то муторно на душе. Не греет ничего. Со всеми по-

следними событиями был похерен и забыт день космонавтики. Ни одна сволочь по телевизору о нем не вспомнила, ну и нам вроде как не надо. Предстоящая Пасха тоже пройдет мимо. Разве что бабушки подсуеются, куличей напекут. А, в общем-то, меня никогда и не прельщала эта псевдопатриотическая волна прошлого десятилетия. Знал, что так оно и будет. Ушли в прошлое массовые гулянки по поводу и без, спонсируемые городской администрацией, канули в лету православные традиции и память о великих свершениях прошлого.

Верхушке по какой-то причине это стало не нужно, и выяснилось, что люди-то толпились на Васильевском спуске не из великого патриотизма, а развлечения ради.

Народ и сегодня, правда, все еще пытается разнообразить серые будни бутылочкой, но собирается все больше по семейному поводу или вовсе без того. Вот и мы с Женькой были приглашены к ее сестре на день рождения. Нарядились, собрались, купили в ближайшем к дому магазине подарок из серии "главное, чтобы подороже" и поехали на другой конец Москвы.

Вино и водка, как добросовестный доктор, справились с тоской и печалью, и вот мы уже смеемся и довольны жизнью. Даже внезапно пропавшее электричество не выбило из колеи. Зажженные свечи только добавили романтики и хорошего настроения. Такого шикарного стола я не видел сто лет. Это Женькина сестра Ленка расстаралась. И дело тут

было даже не в дорогих продуктах, а в немыслимом количестве разносолов, от которых ломился стол. Компания подобралась большая и веселая, поэтому отсутствие традиционных танцулек под ритмичное "бум-бум" никого не расстроило, и было успешно заменено душевным пением под гитару.

Солировал Ленкин муж Виталик. А когда количество пустых бутылок превысило количество полных, не брнчал только ленивый.

Потом как-то незаметно женская часть общества отделилась от мужской, чтобы пощебетать о своем, а мужики, устроив из гостиной курилку, принялись решать мировые проблемы. Правда от конфликта между Индией и Китаем и цен на нефть, как-то быстро перешли к ценам на бензин и закрывающимся то тут то там магазинам. В последнее время такие вот застольные базары за жисть сильно изменились. Если еще год-полтора назад кто-то понтовался новой иномаркой с роботом-автопилотом, голографическим 4D-кино-театром или делился впечатлениями о суборбитальном перелете в штаты или Южную Америку, то теперь если и хвалились, то корешем, работающим на свиноферме или знакомыми пацанами с одного из складов Росрезерва.

Я, некурящий, одурев от табачного дыма, вышел подышать на балкон.

Кромешная тьма внизу, лишь изредка рассекаемая лучами фар проезжающих по улице машин, казалось, медленно переползала через поручни, стремясь отвоевать у бликов

свечей еще немного пространства. В доме напротив лишь на десятом этаже за плотными шторами еле угадывался свет, да в окнах лестничной клетки, кто-то, подсвечивая себе фонариком, бодро топал вниз.

– Народ шухерится, – за моей спиной хлопнула балконная дверь. Виталик тоже решил освежиться. – Делает вид, что его нет дома, а сам из него носа не высовывает.

– Ну не все, – я кивнул в сторону нашего подъезда, возле которого мелькало несколько огоньков зажженных сигарет и слышались вопли на не обезображенном литературой русском языке.

– А, это Шурик со своими дружками. Никого не боятся и думают, что все боятся их.

– А может, они и правы? Сдается мне, что наступает как раз их время.

– Нет, – Виталик махнул рукой, – их время не наступит никогда. Поверь мне, получали раньше, а будут получать еще больше. Только не срок, а пулю.

– Не буду спорить, только и сейчас из-за них просто так ходить по улице стремно, – я незаметно потрогал кобуру с Макаровым.

– А ты ходи не просто так, – засмеялся Виталик. – А вообще, что думаешь делать дальше?

Больше позориться со своими разглагольствованиями об огородничестве не хотелось, и мне оставалось только пожать плечами.

– А меня брательник к себе в Тверскую область зовет. Они там ремонтные мастерские восстанавливают. Работа есть. Даже рук не хватает. Опять же со жратвой точно проблем не будет.

– А тут что, совсем херово? – спросил я, хотя и так знал, что владевший сетью автосервисов Виталик, еще зимой уволил всех своих сотрудников, а сам перебивался редкими заказами в маленькой мастерской в гаражах. Можно сказать, вернулся к тому, с чего начал.

По-другому и быть не могло. Производство накрылось медным тазом, торговля чахла на глазах. А это ведь все обеспечивало хлеб перевозчикам и работу многотысячному парку грузовиков. Опять же много народа уехало из столицы, а большинство оставшихся поставили свои тачки на прикол из-за бешеной цены на бензин. Чинить стало нечего.

– Да, херово, – Виталик достал сигарету. – Заначки вот подьедим и все. Наверное, все же уедем. Вот Ленку уговорю и... А то давай и ты вместе с Женькой с нами. Чего тут ловить?

Я бы согласился ей богу, если бы знал, чего ловить в колхозе без пяти минут безработному проектировщику скоростных лифтов и безработному декоратору.

После одиннадцати народ начал потихоньку расходиться. Первыми, в сопровождении своих половин, ушли две Ленкины подружки, живущие неподалеку. Потом на своем 'Ниссане' отвалила Ленкина коллега с мужем. Они живут за го-

родом в двадцати минутах езды отсюда.

Дальше всего ехать было нам с Женькой, поэтому ночевать остались здесь. Ясно, что оставшиеся в строю автобусы, маршрутки и дерущие семь шкур частники не справятся с хлынувшими из вставшего метро пассажирами, даже не смотря на то, что час пик давно миновал.

Если завтра электричество не дадут, будем думать, как добираться до дому, до хаты, а пока баиньки.

14.04.2024 г. Краснодар.

– Иса, что встал как столб? Не светись, уже почти все разгрузили.

– Тише, Анвар! Что орешь, как ишак? Сам знаю, что мне делать. Маму свою учи. – Иса Мурзаев, сверкнул белками глаз в темноте возле забора, по-кошачьи метнулся к дому, во дворе которого стояла 'Газель', набитая ящиками с оружием. Точнее почти все оружие переключалось с машины в погреб.

Вот это дело!

Прятаться Исе порядком надоело, но скоро все кончится. Вернее начнется. Начнется настоящее дело, и наконец-то Кавказ будет очищен от этих гяуров.

Главное нигде не проколоться в эти дни. А то вон как с фугасами и гранатами в Пятигорске напортачили – рванул дом, в котором на выкупленной квартире был организован транзитный склад. Вся местная правоохранительная шобла на ушах стоит.

Но у них такого не будет. Асланбек привез с собой из Турции этого... Палмера. Бывший 'морской котик', спец по подрывному делу. Так что федералам со своими колоннами очень скоро будет неудобно ездить по земле великого халифата.

Иса сплюнул и пошел в низ. Надо присмотреть за парнями как бы чего не стащили. Были уже случаи, когда на местном базаре всплывали 'подарки' из Турции. Не хорошо это.

Михаил Гришин

15.04.2024 г. Москва

Утром на перекрестке все так же торчал заглохший вчера троллейбус, значит, случилось что-то серьезное. Придется добираться на перекладных. Распрощавшись с родственниками, мы с Женькой отправились к остановке автобуса, маршрут которого пролегал через центр. Я-то хотел шикануть, и начал было высматривать попутку, но тут уже Женьку начала душить жаба. Но после полуторачасового топтания на остановке, она сказала, что лучше бы я ее послушал и сделал наоборот.

Наконец подошел полупустой автобус. Даже сидушки свободные были. Так удивился этому, что несколько раз спросил у сидящих рядом, точно ли автобус идет до Белорусской.

Глядя всю дорогу в окно, я не узнавал города. Покрытые ковром из мусора газоны, брошенные битые легковушки и

разутые и чуть ли не разобранные грузовики, хлопающие на ветру разодранные рекламные баннеры и плакаты, разбитые окна и витрины, оборванные провода... Ладно, у нас на окраине, но от центра я такого не ожидал.

На Тверской малость получше. По всей Москве еще зимой позакрывались почти все точки, торгующие фастфудом, а в тех, что остались, цены были заоблачные. В разы больше прежних ресторанных. На Тверской же попался кабачок, где в меню никто не дорисовал шариковой ручкой нолики к отпечатанным цифрам.

– Могу предложить только напитки и холодную закуску. – Виновато улыбаясь, развел руками хозяин заведения. – Горячего нет ввиду так сказать...

– Но горячительное-то есть, – улыбнулся я.

– В ассортименте.

– Нам коньячку, мартини с соком и чего-нибудь мясного.

Подкрепившись, пошли в сторону Красной площади. Праздно шатающейся публики практически не было. Редкие прохожие, как и мы, добирались до дома через центр, но совсем не прогулочным шагом. Мы же никуда не спешили. Обходя переполненные урны, рассматривали пыльные витрины с дорогими шмотками, подошли к фото-стенду позапрошлогдней выставки кошек, подивились на мерзнущего продавца матрешек. Иностранцы что-то столицу не жаловали в последнее время.

До Таганки дошли пешком. Дальше тоже на своих дво-

их. Потом повезло, остановился УАЗик, водила, которого за пятнадцатиминутную поездку содрал с нас столько, что в прежние времена хватило бы доехать на поезде до самого Питера.

Расплатившись, вылезли из машины у входа во двор. Пока обходили стройные ряды ржавеющих "подснежников", уловил какое-то подвывание за кустами, на углу дома. Женька опять потянула меня за локоть, но я поступил по-своему. Продравшись сквозь кусты, увидел, как трое мужиков и одна баба бьют ногами кого-то свернувшегося в калачик. Бьют не как обычно, с громкими воинственными криками для устрашения противника и приведения в тонус себя, а молча, с придыханием. Так бьют, чтобы убить, а не просто наказать или испугать. Только бабенция при каждом ударе подвывала. Этот вой я и услышал.

Немного растерялся. Передо мной были не скинхеды, не наркоши, нападающие, чтобы взять денег, снять дорогое кожаное пальто или часы, а мои соседи по двору. Кажется, с кем-то из них я не так давно здоровался.

Постоял несколько секунд, расстегнул куртку, затем кобуру. Достал Макаров.

Те четверо на меня не обратили внимания. Зато у Женьки округлились глаза.

– Эй! – Я передернул затвор.

Хлипкий мужичок с внешностью спившегося профессора занес ногу для очередного удара, увидел меня и тут же

слинял за угол. За ним последовал краснолицый крепыш из второго подъезда девятиэтажки.

Третий, не такой сообразительный, а может быть просто более упертый, отполз в сторону только после того, как увидел черный зрачок ствола, смотрящий ему в лоб. Он медленно, тяжело дыша, отступил к стене и молча, потащился в сторону улицы. Отойдя на, как ему казалось, безопасное расстояние, он заорал:

– Сука, бля! Ты мне еще встретишься. Вот я своих подтяну...

Но стоило мне повести стволом в его сторону, как эта пухлая сволочь сделала ноги. А вот дамочка не слышала никого и ничего и продолжала остервенело молотить корчившегося на земле человека.

Не имею такой привычки – бить женщин, но эту ударил. Рукояткой пистолета туда, где шея переходит в плечо. Она завывала еще громче и, держась за ушибленное место, рванула прочь.

Я наклонился над телом, потянул за плечо, перевернул. Это был Серж Галстян из семнадцатой. Вернее Сергей. Армянин только наполовину. Родился в Москве в семидесятые годы прошлого века. Бывший военный летчик, но кого это сейчас волнует?

Взял Сергея за воротник и потащил к подъезду. Если сломана ключица, что-то там с шеей или позвоночником, то кранты. По-хорошему, не надо было его трогать, но Скорая

и в квартиру не поедет, не то, что на вызов с улицы. К тому же, мобильные не работают со вчерашнего вечера.

Полностью выбившись из сил, затащил соседа на третий этаж. Обшарив карманы, нашел ключи от квартиры. Женька мне все это время помогала, как могла. Она же сбегала на седьмой этаж за Кларой Степановной, когда-то работавшей медсестрой в нашей поликлинике.

К счастью самое серьезное из того, что заполучил сегодня Сергей – это сотрясение мозга и перелом двух пальцев на левой руке. Не знаю, может, спасло то, что был еще в теплой и толстой зимней одежде, а может мы вовремя подоспели.

А вот я, кажется, нажил себе еще врагов, в придачу к уже существующим. Кроме того, теперь весь двор будет знать, что у меня есть ствол. И в 'Камелегдане' тоже. А и хорошо. Плохо, если подумают, что газовый.

– Откуда у тебя пистолет? – вцепилась в меня Женька, как только захлопнулась дверь в нашу квартиру.

– Купил, – решил говорить, все как есть.

– Надеюсь газовый.

– Газовый, газовый.

– Врешь! С газовым ты бы не был таким смелым. Я-то тебя знаю. Да и эти бы так от газового не дернули.

– Много они все в этом понимают.

– Тогда покажи.

– Еще чего. Оружие, как и техника, любит одни руки.

– Ах, вот так вот, значит? Сколько просила тебя мне трав-

матический купить? А себе, получается, втихаря купил?

— Не себе, а нам.

— Ладно. Ты мужик, тебе виднее. Главное, чтобы завтра здесь половины нашего отделения милиции не было из-за этого 'газового' пистолета. — Женька пошла на кухню, чтобы включить газ. Оказалось, что в пылу пьянки на Ленкиной квартире мы не заметили, что отопление тоже отключили.

Холодно, однако.

Но газа тоже не было, и мы, прижавшись друг к другу, попытались уснуть в холодной постели. Женьке это удалось почти сразу. Все-таки весь день шатались. А я долго не мог сомкнуть глаза. Одолевали всякие разные неприятные мысли.

Вчера о пистолете жене я ничего не сказал. Побоялся. Просто заперся вечером в ванной и под шум воды долго вертел дорогую игрушку в дрожащих руках. Потом осторожно разобрал пистолет, с удовольствием отметив, что никакой ржавчины нет, и все детали покрыты консервационной смазкой. Найденной под раковиной тряпкой удалил излишки, затем выщелкал из магазина патроны. Протер и их. Собрал машинку и, убрав в кобуру, положил в пакет. Теперь надо проверить стреляет ли вообще мое приобретение. А где это сделать? Правильно, на даче, глубоко в лесу. Значит, испытание откладывается до следующих выходных.

Этим утром, перед выходом из дома я незаметно пристроил кобуру на ремень под 'Аляской', прикрыв ее перед этим свитером навыпуск. Хорошо, что по утрам все еще холодно.

Летом было бы хуже.

Всю дорогу, до Ленки и обратно, пистолет жег пузо, а перед самым домом, и помахать им пришлось. Вот так!

И вот теперь я лежу и думаю, во что это все выльется. Чертова штукавина, казалось, светится сквозь стены на всю округу. Я попытался успокоить себя, но мысль о том, что меня загребут компетентные органы, червяком вгрызлась в мой мозг и мешала спать.

Промаявшись всю ночь в тревожном забытии, едва расвелю, аккуратно снял с себя Женькину руку и соскользнул с кровати.

Дом наш построили в лихие девяностые, и с тех пор он не знал капитального ремонта. За тридцать лет и без того раздолбанные полы обзавелись многочисленными прорехами под растрескавшимся паркетом. Я без труда отковырял пяток почерневших дощечек и просунул свернутый в кулек пакет с пистолетом в дыру между досок деревянного покрытия. При желании в зазор между ним и бетонной плитой можно было затолкать пару автоматов и не один ящик патронов россыпью. Примостив паркетины обратно, нырнул обратно в кровать, досматривать оставшиеся сны.

Разбудил нас настойчивый трезвон в дверь. Через глазок на меня таращился чей-то вылупленный глаз. Еще был виден причудливо изогнутые нос и правое ухо.

– Кто? – спросил я, подавляя зевок.

– Открывай, Гришин. Милиция. – ответил ранний визи-

тер и отступил в сторону от двери. Теперь мне стала видна заплывшая жиром физиономия нашего участкового.

Щелкнули замки, и в квартиру ввалились четверо. Помимо участкового, это еще капитан милиции и двое в штатском.

Я не стал их ни о чем спрашивать, предоставив возможность объясниться самим.

— Оружие сам отдашь или мы поищем? — без раскачки начал участковый, которого за глаза звали Пузырь. То ли из-за фамилии Пузыревский, то ли из-за объемной фигуры.

— На даче.

— Как на даче? — булькнул Пузырь, не ожидавший столь быстрого признания.

— А где еще держать топоры и лом, в квартире что ли?

— Остришь? Про огнестрел тебя спрашивают. Поступил сигнал, что у тебя есть пистолет Макарова. ПМ. Слышал про такой?

— Кто же это вам сказал такую чушь?

— Неважно. Ты давай добровольно отдавай. Сам понимаешь.

Я сел в кресло и покосился на снующих туда-сюда гражданских. Капитан стоял в комнате возле окна, куда он проперся в грязных ботинках, и со скучающим видом рассматривал дом напротив.

Женька в самом начале с невозмутимым лицом проследовала на кухню. Молодец. Хотя я точно знаю, что переживает.

Пузырь в сущности был неплохим мужиком. Ну имел денюжку за слив инфы похоронным агентствам и всякие дела с прописками и регистрациями, но вместе с черными риэлторами бабушек на тот свет не отправлял. А сейчас он просто выделялся перед этим капитаном и двумя в штатском. То, что это никакие не понятые, я понял сразу. Они выписывали круги по квартире, как бы невзначай заглядывая за диван, открывая шкафы и вообще суя свои носы повсюду. Обыск конечно, но какой-то странный. Больше похоже на самодеятельность.

Я сидел и думал: потребовать у них ордер или не умничать? Решил посмотреть, что дальше будет и правильно сделал. Еще немного потоптавшись, четверка ретировалась, пообещав мне на прощание кару небесную и половину статей УК.

Мне же только оставалось сокрушаться по поводу испорченного утра незапланированного выходного.

Ну, надо же, милиция наша! Когда убивают, ищи их свищи, а вздумал сам себя защитить – тут как тут. Боится власть своего населения. Ох, как боится!

Покрутил краны горячей и холодной воды. В ответ лишь шипение. Взял телефон, послушал тишину в трубке.

Ну да, какую на хрен Скорую я вчера собирался вызывать? Послonyaлся по квартире. Заняться елки нечем и чаю горячего охота. Пойти прогуляться? Не получится. Без пистолета на улицу не выйдешь. И с пистолетом тоже. Хотя за во-

дой все равно идти надо.

Послушав через дверь что твориться на лестничной клетке и понаблюдав пару минут в глазок за обстановкой там же, я решился на вылазку.

В единственном на всю улицу магазине, где можно было купить китайскую тушенку и ветчину, а так же непотребного вида морепродукты оттуда же, встретил соседку с первого этажа. Окно ее кухни выходит прямо на подъезд, и она целыми днями сидит возле него, отслеживая всех входящих и выходящих. Значит, вчера вполне могла видеть все мои подвиги. Ей, конечно, далеко до бабы Маши, но в магазин она ходит как раз, чтобы пообщаться в очереди в кассу. Никакой пенсии, чтобы тут отовариваться у нее, конечно, не хватило бы. Вот и топчется соседка в душном зале с упаковкой сухой лапши на дне корзины заодно с народом. Очень не хотелось бы, чтобы бабуля озвучила вчерашнее происшествие. Но нет. Лишь скользнула по мне взглядом и, увидев свою знакомую из третьего дома, поспешила к ней. Я же продвинулся ближе к консервам. Вода подождет, а вот отвезти хавчика на дачу надо бы. Все равно в субботу туда поеду.

Об отечественной и белорусской тушенке нечего и мечтать. За ней встают в очередь спозаранку ушлые граждане, откуда-то знающие все и обо всем. А чаще наш тушняк просто расходуется по своим.

Набив тележку банками, упаковками и пакетами, встал в длинную очередь. Уже на подходе к кассе, до меня дошло,

что чуть не забыл о воде. Когда вернулся, обнаружил того самого мужчину в элегантном костюме, за которым занял, растерянно озирающимся по сторонам и кассиршу, ерзающую на стульчике. Оказывается господин только что прикатил в город на своем серебристом внедорожнике, и совершенно не в курсах, что тут происходит. Вот и стоит с полными сумками и барсеткой, полной абсолютно бесполезных кредиток. Очередь сзади начинает гудеть, а мужик все не врубается, почему он не может расплатиться. Я не стал ждать развязки этой трагедии, а переложил покупки на неподвижный транспортер, отсчитал деньги, подождал, пока кассирша два раза сосчитает все на калькуляторе и пошел перегружать свою добычу в сумку под цепким взглядом охранника. А, ну да. Турникет-то тоже не работает.

– Чего так долго? – надулась Женька. – Мне тут уже черти чего в голову лезет.

Вот оно, каково жить-то без мобильного!

19.04.2024 г. США. Окрестности Балтимора. Штат Мэриленд.

На мониторе охраны было хорошо видно, как высокие гости вышли из лимузина и направились к лифту. Первым шел Лоуренс Саммерс, с которым Джеймс Ротшильд не виделся с последнего собрания Бильдербергского клуба в Лозанне. За ним, неспешно неся свои объемистые тела шагали, похожие друг на друга почти как два брата близнеца: госсекре-

тарь Ричард Кейтс и глава сенатского комитета по Северной Центральной Азии Фредерик Коулмен. Последнего решили пригласить исключительно для того, чтобы было кому завтра озвучить в конгрессе то, что они окончательно оформят сегодня.

Чуть отстав, вслед за другими поднялся Анатоль. С этим русским Ротшильда познакомил еще во Франции сам Натан. Фамилию его было сложно произнести даже про себя, поэтому Джеймс звал его на французский манер. Анатоль прилетел из Москвы со съемок очередного пространныго и жизнеутверждающего интервью. Последнее время он никогда не упускал случая покрасоваться на экране, поучить жизни плебс. Сентиментальным стал. Старееет. Но это интервью теперь уже вряд ли пойдет в эфир.

Джеймс взглянул на часы. Все в сборе. Пора начинать.

– Скотч, шампанское, глинтвейн, коньяк, водка? – Ротшильд окинул взглядом гостиную.

– Шампанское рано, – попытался пошутить Коулмен, которого никто не удостоил даже взглядом.

Сегодня Ротшильд принимал гостей сам, поэтому вместо робота-официанта напитки принес метродотель. На кухне колдовал тоже настоящий повар. Джеймс недолюбливал всю эту автоматику и в такие дни предпочитал чтобы его обслуживали люди благо денег на настоящую прислугу у кого-кого а у него хватало. В обычные же дни, когда хозяйничала его супруга, вокруг постоянно сновали, орудуя своими ма-

нипуляторами кибергубернанти, возле детей крутились киберняньки, а на лужайке работали автоматические газонокосильщики. Кухонный монстр, какой-то чудовищный гибрид из холодильника, электроплиты и посудомоечной машины, сам составлял меню на неделю, сам заказывал продукты посредством Интернета и сам готовил любые блюда. Умный дом тоже не простаивал: закупал свежее белье, следил за освещением в многочисленных комнатах, управлял всей этой электронной прислугой, тонировал при ярком солнце окна, регулировал влажность и температуру, поддерживая здесь комфортный климат. Трудился он и сейчас, перестраивая режим под вновь прибывших.

– Экран, – произнес Джеймс, и откуда-то сверху опустилась тонкая плазменная панель.

– Итак, господа, операция 'Троян' входит в свою завершающую стадию. Мне доложили, что наши специалисты на местах полностью взяли под контроль объекты ядерного комплекса русских. Нам с вами остается только определиться с текстом резолюции ООН и соглашения с русским правительством. Рабочее название 'О пяти принципах оказания международной помощи Российской Федерации со стороны стран Северо-Атлантического Альянса'.

– А если их правительство откажется подписывать соглашение? – Коулмен достал платок и вытер покрывшуюся испариной лысину. Кейтс ввел его в курс дела по дороге, но события развивались слишком быстро для сенатора.

У них нет выбора – взял слово Саммерс. – Практически во всех республиках беспорядки, вот-вот начнется парад суверенитетов, как в СССР в прошлом веке, структуры МВД, состоящие из местных кадров, полностью на стороне сепаратистов. Русским ничего не остается, кроме как положиться на нас. В Кремле сидят не дураки, дураки сидят в Гааге.

– А китайцы?

– Китайцам придется разрываться между Восточной Сибирью, Средней Азией и Африкой. Красный дракон порвет пасть, если попытается проглотить эти большие куски сразу, – Джеймс Ротшильд засмеялся, довольный своей шуткой. – Вот смотрите. – Он провел лазерным лучом указки по карте, появившейся на экране.

Михаил Гришин

19.04.2024 г. Москва.

Электричество дали только утром в четверг. Тепло, воду и газ, чуть позже. Позвонили с работы и сообщили, что в эти выходные работаем. Но за три дня мы так намерзлись, устали от сухомятки и одурели от безделья, что были готовы работать и месяц без выходных. Лишь бы больше такое не повторялось.

Но вот от чего страдал больше всего лично я, так это от информационного голода.

Приехав на работу, первым делом налил себе кофе и полез

в интернет. Ни один сайт, обитающий на американских серверах, не работал. Ни блоги, ни социальные сети... Ничего. Открывался лишь российский аналог Гугла, ссылки с которого все равно вели все на те же мертвые сайты, и несколько федеральных новостных порталов. Почти на всех странички не обновлялись с выходных. Только на Вестях сухо сообщалось о каких-то беспорядках на юге России. В последнее время полыхало то в Чечне, то в Дагестане, то еще в какой-нибудь кавказкой республике. На этот раз тревожные новости поступали еще и из Нальчика, Пятигорска, Ставрополя и даже Краснодара. Как-то подозрительно одновременно боевики атаковали в этих городах здания, где располагались силовики и основные органы власти.

Еле досидев до конца дня и, так больше ничего и не выловив в интернете, я отправился домой, где сразу включил телевизор.

Из прежних тридцати четырех каналов до сегодняшнего дня дожили только три: два федеральных и один московский.

Пока Женька разогревала ужин, прослушал скудные комментарии под картинку с горящими зданиями на заднем плане, вздохнул и переключился на спутниковые каналы. По BBC трепался какой-то пожилой индус, а вот по CNN смазливая негритянка болтала на фоне длинной колонны нашей бронетехники. Я по-английски как та собака – все понимаю, но сказать не могу.

– ... в некоторых республиках антиправительственные демонстрации переросли в массовые беспорядки. В Калмыкии и Чувашии подконтрольные правительству войска применили силу. От наших корреспондентов с мест событий поступают сообщения о большом количестве жертв. – с улыбкой на сто долларов сообщила дикторша. – Пока этот материал готовится, мы покажем вам интервью с председателем Конгресса свободных народов Карелии и лидера движения За единение финн-угорских народностей господином Эриком Эйнолаа.

На экране появился тучный журналист со смешными кудряшками, обрамляющими блестящую лысину и его собеседник – высокий, тощий тип, с удлинённой челюстью, оттопыренными ушами и водянистыми глазами, уставившимися куда-то мимо камеры.

– Господин Эйнолаа, скажите, как вы оцениваете перспективы развития вашей республики в наше непростое время?

– Они просто прекрасные. – председатель, как школьник, положил на колени свои узкие ладони с длинными пальцами. – Мы уже сейчас готовы влиться в дружную европейскую семью, и Карелия как никогда близка к этому.

– На мой взгляд, об этом говорить ещё рано. – Заерзал на стульчике Кудрявый. – Но надо признать, что ваша республика, становясь независимой, делает огромный шаг на пути к торжеству демократии и общечеловеческих ценностей.

– Тем более мы в этом не одиноки. – Оживился Эйнолаа. –

Я вчера участвовал в слушаниях конгресса США, посвященных политической ситуации в Северной Центральной Азии. Там мне в приватной беседе сообщили, что в администрации президента готовится пакет документов о признании независимости таких республик, как Адыгея, Коми, Калмыкия, Чувашия, Башкортостан, Удмуртия, Якутия, Дагестан...

– О! Как интересно. Это как-то связано с конференцией в Познани?

– Да, конечно. Там собрались главы правительств всех этих свободолюбивых республик. В итоге мы составили обращение к конгрессу США и Совету Европы.

– Но наши европейские структуры пока не отреагировали на это обращение?

– Да, к сожалению это так. – Эйнолаа как-то сразу поскучнел. – Сейчас в Евросоюзе председательствует Италия, поэтому вопрос, скорее всего, поднимет Румыния, которая сменит ее осенью. Но наши друзья из Латвии и Албании обещали включить этот вопрос в повестку дня ближайшей сессии Совета Европы.

Они еще долго что-то там говорили о праве личности на индивидуальность и прочей галиматье, а я жевал остывшие котлеты и тихо офигевал. Вот что значит не интересоваться политикой.

– Они там что, все охренели? – вырвалось непроизвольно у меня

Переключил обратно на ВВС. Вместо индуса сидел надув-

шийся от своей важности чиновник какой-то международной организации. Ведущий был тот же.

– ... Москва не в состоянии справиться с этим самостоятельно.

– Неужели это так серьезно? – округлил глаза журналист.

– Более чем. Судите сами. На прошлой неделе взорвалось самое крупное подземное хранилище газа под Ставрополем, и теперь поставки энергоносителя в Европу под угрозой. На этой неделе взорвался самый крупный оружейный склад под Армавиром. А если произойдет утечка в хранилище радиоактивных отходов? Или оно вообще взорвется? Это не так далеко от Европы, как кажется. Вспомним Чернобыль. Еще хуже ситуация с ядерным оружием русских. В связи с последними событиями велика вероятность его захвата террористами.

– И что же теперь делать?

– Мы сейчас ведем переговоры с Москвой о возможном совместном контроле над стратегическими объектами в зонах риска и на неуправляемых территориях. Сейчас уже очевидно, что им нужна помощь международных сил в организации мер коллективной безопасности.

– Это обнадеживает. Как продвигаются переговоры?

– В Москве взяли время на раздумье, но мы в свою очередь уже предприняли ряд мер, направленных на разрешение кризисной ситуации у наших русских друзей.

– Что это за меры?

– Мы тесно сотрудничаем в области безопасности с независимыми демократическими лидерами республик. На местах из представителей демократической общественности формируются дружины, призванные обеспечить правопорядок и взять под защиту инфраструктуру и стратегические объекты во избежание их захвата экстремистами.

– Будем надеяться на лучшее. Благодарю за содержательную беседу, господин Хенриксен.

Что-то я не фига не понял. О чем это они? И не понятно, почему наши как в рот воды набрали. Раньше из всяких беспорядков и терактов целое шоу устраивали с он-лайн трансляциями. И тут до меня дошло. Газеты! Я их практически никогда не читал, но вроде же оставались на плаву какие-то оппозиционные? Или нет? Надо попробовать завтра найти одну из них. Там уж наверняка напишут все как есть.

27.04.2024 г. Москва

Я как дурак стоял у киоска и сквозь стекло пялился на яркие страницы так называемых газет. Сын известного актера изнасиловал школьника, Увеличить грудь можно без операции за пять минут, В школе учитель провел урок мастурбации, Катя Бель продала свою мать на органы, кричали аршинными буквами первые полосы. О новостях можно было забыть. Не водились.

После всего этого хотелось вернуться домой, помыть руки и прополоскать горло рюмочкой-другой дезинфицирую-

щего, но я пошел к станции. Здесь меня ждал неприятный сюрприз. Почти все электрички отменили. Осталось только две, на которых можно было доехать до дачи. Ближайшая через четыре часа. Пришлось все-таки вернуться домой.

Ой, не нравилось мне разгуливать по двору с пушкой после того визита Пузыря и К. Тем более, что Салех со своими земляками на улицу носа не кажут. Будто и не было их тут никогда. Вчера встретил Сержа. Он уже оклемался и ползает потихоньку до магазина и обратно. Так вот он мне сказал, что город стал напоминать ему Москву семидесятых годов прошлого века. Мало машин на улицах и людей в метро, почти не слышно не русской речи. Никто не стреляет и не орет обожравшаяся гопота.

Я тоже заметил какое-то нереальное затишье. Город будто затаился.

Злой ветер, прятаящийся в тени деревьев, так и норовил выдуть из-под ветровки все тепло, накопленное в электричке. Стремительно несущиеся в высокой синеве облака, не позволяли солнцу, как следует прогреть сырую землю. Такая вот весна в нынешнем году.

Я втянул голову в воротник.

Погорячился, мягко говоря. Надо было теплее одеться и шапку с собой прихватить. За городом-то оно всегда холоднее.

Домишко мой встретил меня, весело скрипнув входной дверью, и сразу стало как-то спокойно на душе. Захотелось

сделать себе чаю, достать бутерброды, вытащить старое плетеное кресло на крыльцо и устроиться там, подставив лицо ласковым солнечным лучам. Так и сделал. Единственное, пришлось повозиться с печкой. Электричества здесь тоже не было. Ну да его и в прошлые годы с октября по май давали через два дня на третий. Вот в Москве творится что-то странное. Все коммунальные службы словно самоликвидировались, и из-за этого во многих домах нет горячей воды и газа. Электричество включают два раза в день: по два часа утром и вечером. Причем никто нигде объявлений не делал. Все выяснилось опытным путем. Народ как-то приспособивался к этому. Мы вон с Женькой достали с антресоли здоровенный термос, и в него, и еще в несколько маленьких заливали чай, кофе и бульон. С жратвой стало заметно хуже. Рынки почти обезлюдели, в магазинах шаром покати. И чтобы добыть чего-нибудь съестного, надо было вставать затемно и выстаивать часами в очередях, чтобы потом уткнуться в пустой прилавок. Ну или схватить чего-нибудь, если повезет. Народ от такой жизни зверел день ото дня. Частенько в тех очередях доходило до мордобоя. Милиция же обитала в той хате, что с краю, а точнее сидела по РОВД и с невозмутимостью сфинксов торчала на перекрестках и возле гос. учреждений. Федеральных же чиновников ветром сдуло с голубых экранов. Больше никто не отчитывался об успехах, не учил жить, не повторял прежние мантры о росте и удвоении. Только по московскому каналу сказали, что в связи с

временными кризисными явлениями с первого числа введут талоны на продукты первой необходимости. Список обещали озвучить позже. И это за какие-то десять дней после того блэкаута.

Погодка разошлась, мысли постепенно потекли в правильном направлении. Да и не могло быть иначе. Вырвавшись на природу, полностью растворяешься в прозрачном весеннем воздухе, щебетании птиц и неповторимых запахах проснувшегося от зимней спячки леса.

Наковырять что ли березового сока?

Где-то высоко за кронами сосен что-то застрекотало, и по неухоженым грядкам на соседском участке пронеслась продолговатая тень. Я вывернул шею, но разглядеть ничего не успел.

Прикольно. Что бы это могло быть? Сейчас у нашей продвинутой молодежи из зажиточной части поселка полно всяких дорогих игрушек. Скуттеры, миникары... Может, планер кто запустил? Или это авиетка? Тут Жуковский недалеко. А хрен с ними.

Я еще посидел немного и укрылся в доме от посторонних глаз, чтобы поиграться с пистолетом. Опробовать его сегодня все равно не судьба, так хоть побалуюсь. Не забыть бы Своей позвонить. Я ей строго-настрого наказал, чтобы из дому нос не высывала. Чтобы дверь не открывала, кто бы что бы с той стороны не говорил.

27.04.2024 г. Польша. Щецин Штаб польско-литовско-украинской 42-ой миротворческой бригады.

Козмински заложил руки за спину и прошелся вдоль стола. С минуты на минуту должен был позвонить из Брюсселя Сам, и поэтому генерал немного нервничал. А тут еще этот... Недоучка из Киева мешается под ногами.

Яцек поморщился.

Прислали этого Корнейчука на мою голову.

Эта дурацкая традиция, подтягивать младших партнеров, которая со временем превратилась чуть ли не в правило, казалась Козмински неудачной и бесполезной затеей. Ну что можно слепить из бывшего таможенника или сотрудника налоговой полиции? Но объектов в Северной Центральной Азии было очень много, а людей катастрофически мало. Приходилось мириться. Бригадный генерал Осадчий, вот кого хотел бы иметь под рукой Яцек. Афганистан, Азербайджан, Иран... Десятки блестяще проведенных операций. Но сейчас Алекс работает самостоятельно. В Липешче кажется. А Пол Корнейчук... Исполнительный, но чересчур навязчивый.

Правда, сам генерал уже забыл, как смотрел в рот пятнадцать лет назад бригадному генералу британских морпехов на базе коалиционных войск под Басрой.

Заверещал телефон. После короткого разговора настроение у Козмински заметно улучшилось. Это заметил и Корнейчук.

– Хорошие новости?

– Более чем. Все идет по плану.

– И никаких эксцессов?

– Это же Россия, Пол. Конечно, без инцидентов не обошлось. Кое где с их офицерами случились истерики, но наши американские друзья эту проблему решили.

– Я больше всего боялся, пан генерал, что кто-то из них сумеет добраться до спецбоеприпаса.

Он, как баба, матка бозка. – Козьмински оттопырил нижнюю губу, уселся в кожаное кресло и словно неразумному дитя, принялся разъяснять Корнейчуку очевидные вещи:

– Это исключено. Вы, конечно же, в курсе, какие подразделения должны были взять под контроль эти спецбоеприпасы?

– Да...

– Но вот чего вы не могли знать, так это того, что это была только подстраховка. Все уже куплено до нас, Корнейчук.

– Я подозревал, что без этого не обошлось.

– Да в Вашингтоне решили пойти старым проверенным путем, но это не значит, что у нас с вами не будет работы, Пол. Завтра вылетаем в Воронежч. Это ведь исконные украинские земли, если я ничего не путаю? Вот вам и карты в руки. Местная атомная станция требует пристального внимания со стороны мирового сообщества.

Михаил Гришин

28.04.2024 г. Московская обл. Раменский район.

Лес стоял весь сырой, как рубаша, плохо выжатая после стирки. Под напором дневного света сумрак неохотно отступал в густые еловые заросли на дне огромного оврага. Я остановился в нерешительности. Перейти на другую сторону или свернуть на право? Слева между тонкими стволами осин мелькало затянутое ряской болотце. Так что без вариантов. Все-таки начал спуск, хватаясь за ключья сухой травы и ломкие ветки кустов. Толстые подошвы моих старых зимних кроссовок утопали в мягкой податливой земле, которая неохотно отпускала их обратно. Вымазался по уши. Ну да ладно. Чай не в костюме от Кардена в лес пошли. Отмоемся. Главное, руки не наколоть обо что-нибудь.

Выбираясь наверх, поскользнулся и едва кубарем не скатился вниз. Обошлось.

До поляны, где решил пострелять, осталось всего ничего. Доберусь, надо будет выбрать место посуше и отдохнуть малька. Дыхание восстановить. Давно не ходил так далеко и долго. Притомился с непривычки.

Тишина. Ее так много, что сама мысль о пальбе по банкам здесь и сейчас кажется кошмарной. Любой выстрел обречен быть услышанным за несколько километров отсюда. Или нет?

Может пойти к железке, и бабахнуть, дождавшись, когда пойдет товарняк? Нет. Рядом с железкой запросто можно на

кого-нибудь нарваться.

Я отыскал пенек, поставил на него одну из пустых консервных банок, что захватил с собой и отошел метров на тридцать, к самому краю поляны.

Конечно, можно бы было встать ближе, но хотелось еще посоревноваться с самим собой. Попаду, не попаду? А ну как не попаду? Как тогда узнаю, что эти оружейные магнаты мне не холостые подсунули?

Распахнул телогрейку, расстегнул кобуру, достал пистолет.

Так. Теперь снять с предохранителя, передернуть затвор, задержать дыхание, прицелиться и плавно нажать на...

Бах.

От ближайшего дерева, что я выбрал мишенью, отлетели куски коры. Нормалек. Теперь по банке. Это сложнее. Патронов не так много, и я еще не знаю, буду ли стрелять в третий раз. А попасть хочется.

Выстрел эхом отозвался на другом конце поляны, пробитая насквозь банка из-под сгущенки улетела в траву. Я понюхал едва уловимый запах пороховой гари и довольно зажмурился.

Класс! Но закончим на этом. Программа на сегодня выполнена, и хватит жечь патроны.

Возле самого дома меня перехватил Антоныч. Его шикарная двухэтажная хата возвышалась над округой наискосок через улицу от моего участка. Там было все: и подземный га-

раж, и здоровый погреб, и пристройка с сауной. Весь второй этаж опоясывало что-то наподобие смотровой площадке, напоминающей те, с которых в охотничьих угодьях отстреливают дичь. Антоныч и был охотником, а кроме того, еще и бывшим милицейским полканом. Не дом у него, а крепость. Хоть пулеметы ставь. Серьезный человек. И жена ему под стать. Каждую зиму, когда дачный поселок пустел, и лишь редкие домики дымили закопченными трубами, она частенько прогуливалась по улице с двустволкой наперевес. Может быть, еще и поэтому с нашей стороны поселка не обносили дома.

– Отстрелялся? – сходу огорошил меня Антоныч.

Но откуда... Черт. Надо было затемно выходить. Теперь весь поселок будет знать, что у меня пистолет. Хотя почему? Откуда моему соседу знать об этом?

– Расслабься, я никому не скажу. Я же уже восемь лет как ушел из ментуры.

– Но как вы узнали.

– Но я же хоть и бывший, но мент. – Антоныч заржал. – Видел бы ты свою загадочную рожу вчера.

– Ага. И свою изумленную рожу сегодня. – Подыграл я. – Да вы психолог.

– Каждый хороший мент должен быть и психологом и физиономистом. Давай лучше на ты, и пойдем тяпнем чего-нибудь, а то у меня спутниковая тарелка накрылась. Скучища. Ты, кстати, не сечешь в этом случайно?

– Неа, не секу, Антоныч. Может провод отошел? Ночью ветер был.

– Это я уже проверил. Ну да ладно. Завтра сынуля приедет и посмотрит. Ну, пошли что ли?

– Сейчас. Только своей звякну.

– Ну давай. Я пока на терраске покурю и за водочкой на кухню. Заходи потом.

Я отошел в сторону и достал телефон. Сеть отсутствовала. Опять в Москве электричество гавкнулось что ли?

– Знаешь, Антоныч, поеду в город. Что-то на душе кошки скребут. – Я оперся на дверной косяк и посмотрел на запотевшую поллитровку.

– Конечно езжай, а что, случилось что-то?

– Да вот сеть не пашет. А Помахал я телефоном. Своей дозвониться не могу.

– А, это теперь в порядке вещей: то здесь крякнется, то там рванет. Если на железке напруги нет, можешь и не уехать. Хотя щас эти инерционные поезда ходить стали с аккумуляторами. Не успеваю я за прогрессом.

– Да, теперь только такие и ходят.

– Ну давай на дорожку, А Антоныч открыл бутылку, – и для душевного спокойствия. Что бы без кошек

На платформе несколько бабкок перемывали косточки не кому-нибудь, а самому президенту, дальше на лавке сидел худой мужик в линялом бежевом плаще, еще дальше два грибника с корзинками. На противоположном конце куч-

ковалась поддтая молодежь. Провожают кого-то. Значит, должна быть электричка.

— Извините, в шестнадцать тридцать не отменили? — я подошел к бабкам.

— Эта ходит еще, сынок.

— Спасибо.

— Не за что, сынок. Не за что.

Электричка действительно пришла, и почти вовремя. Хотя эти рога ее были опущены. Значит, тока нет.

Погрузившись в вагон, я, к своему удивлению, даже отыскал свободное место, где немедленно задремал. Выпивка меня все время так расслабляет.

Проснулся от резкого толчка. И тут же мне в затылок влетела сумка, упавшая с полки. Хорошо, в ней было только шмотье.

Крики, мат, охи, вздохи. Кому-то повезло меньше, чем мне. Поезд затормозил так резко, что парень в соседнем купе въехал лбом в оконную раму, и теперь его подруга вытирала ему кровь носовым платком.

Погудев, повозмущавшись, пассажиры постепенно затихли и стали ждать отправления. Я снова достал телефон. Глухо.

Где-то впереди захлопали двери, по проходу побежал народ.

От контролеров что ли? Я их еще с осени не видел. Опасно им сейчас ходить. Народ злой.

Я от контры никогда не бегал. Предпочитал сунуть им пару сотенных. Поэтому и продолжал сидеть дальше. Но уж что-то большая толпа ломится, а парни, курившие в тамбуре, тыкают пальцами в горизонт и аж подпрыгивают.

Надо бы посмотреть, что там.

Я вышел в тамбур и выглянул наружу. Благо двери кто-то уже отжал.

Бля!

Электричка затормозила у самого переезда, а по шоссе, через железнодорожные пути, ползла колонна бронетехники непривычного песочного цвета. И контуры ее были не здешние.

– Американцы что ли? – я растерянно обернулся к парням.

– А хер его знает. Кто бежит, говорит, что по-английски треплются. Говорят, идут по вагонам, никого не трогают, только военных выдергивают.

Надо же! Что за херня такая? Нужно сваливать. Я не вояка, но пистолет-то при мне! Береженного Бог бережет.

Пристроившись в хвост драпающей толпе, я вскоре оказался в последнем вагоне, где спрыгнул на землю с подножки открытых дверей.

Теперь оставалось добраться до леса, что я и сделал.

Переезд и шоссейка остались далеко позади и справа. В промокших насквозь ботинках хлюпала вода, саднили исцарапанные ветками ладони.

Шел вроде в сторону Москвы по ходу поезда, но кажется, слишком забрал в лево.

Поначалу-то подобрался поближе к той самой колонне, чтобы поглазеть на необычную технику, но когда увидел двух наших офицеров и шестерых солдат, стоящих на колеснях, с руками на затылках, понял, что затея не удачная.

Солдаты срочники выглядели особенно жалко. Щуплые, с тонкими шеями, испуганные, они шли и спотыкались, когда всех восьмерых вели к большому грузовику. Перед этим пленных разули, сняли с них бушлаты и ремни.

Пленные? Да. Выглядели они так. Но это значит... Война? Что за бред?

Я рассмеялся, и сидевший рядом со мной в кустах парень, посмотрел на меня, как на придурка. И в этот момент на шоссе выскочил армейский УАЗик. Он резко развернулся и рванул в прочь от переезда. Пулеметчик на одном из Хаммеров как-то нехотя развернулся и без всякого предупреждения вцепил по УАЗу. От машины полетели какие-то куски, ее занесло и несколько раз перевернуло. Я не выдержал и рванул вглубь леса.

Сейчас для начала было бы не плохо понять, где я нахожусь и найти место, чтобы отдохнуть и высушить ботинки. Пару раз видел беспилотник. Теперь-то я понял, что это он жужжал вчера над дачным поселком.

Часа через два вышел к старому заброшенному дому, с провалившейся крышей и почерневшими бревенчатыми сте-

нами. Не фонтан, конечно, но внутри теплее и дождя можно не бояться. Будем устраиваться на ночевку. Теперь-то лучше было бы идти ночью, но в темноте я вряд ли найду дорогу. Ладно, авось проскочим как-нибудь. Жопа начнется, когда выйду к МКАДу.

Олесь Штепа

5.06.2024 г. Украина г. Киев

Из текста Соглашения между Украиной и Европейским союзом 'О принципах участия украинских вооруженных сил в международной операции по поддержании мира и стабильности в Российской Федерации (контингент ЕУФОР), подписанного в Брюсселе 25 мая 2024 г. ратифицированного Верховной Радой 25 мая 2024 г.)

'Положениями Соглашения устанавливается международно-правовая основа участия воинского контингента Вооруженных Сил Украины в операции по поддержанию мира и стабильности в Российской Федерации, в составе объединенного контингента сил ЕС (контингент ЕУФОР), определяются статус данного воинского формирования, его подчиненность, обеспечивается защита секретной информации и решаются финансовые вопросы участия этого украинско-го воинского формирования в указанной операции, а также определяются процедуры урегулирования возможных претензий и разногласий. В соответствии с резолюцией Сове-

та Безопасности ООН 3778 от 25 апреля 2024 г., а также на основании Указа президента Украины от 20 мая 2024 г. N 4279 "О направлении воинского формирования Вооруженных Сил Украины для поддержки присутствия ООН в Российской Федерации" в указанной операции должен принять участие украинский воинский контингент, состав которого указан в приложении N 1 к данному соглашению. Соглашением определяется, что украинский воинский контингент осуществляет транспортировку персонала и грузов Европейского союза и ООН, охрану стратегических объектов на территории РФ, также выполняет работы по поиску и спасению указанного персонала с соблюдением целей и мандата ЕУФОР РФ, как они предусмотрены в резолюции Совета Безопасности ООН 3778.

Украинский воинский контингент находится под стратегическим и оперативным командованием ЕУФОР РФ.

Статус украинского воинского контингента определяется соглашениями о статусе сил, заключенными Европейским союзом с Российской Федерацией. Этим соглашением предусматривается предоставление персоналу сил Европейского союза (включая персонал воинских контингентов третьих стран, участвующих в ЕУФОР РФ) ряда иммунитетов (полный иммунитет от уголовного преследования, а также частичный иммунитет от административной и гражданской ответственности государства пребывания), закрепляется набор гарантий по обеспечению безопасности контингентов и

снабжению, определяются процедуры урегулирования претензий, вытекающих из причинения ущерба национальными контингентами принимающему государству (его гражданам и их собственности) или, наоборот, лицами принимающего государства персоналу или имуществу сил, участвующих в операции.

Конкретные технические и административные условия участия украинского воинского контингента в ЕУФОР РФ закреплены в Техническом протоколе между Департаментом обороны Украины и командующим ЕУФОР РФ.

Соглашение не содержит иных правил, чем предусмотренные законодательством Украины; его реализация не повлечет за собой дополнительных расходов из бюджета.'

– Леся, пора обедать.

Олесь нехотя снял с головы шлем, отложил его в сторону и взял тарелку с дымящимся капустным бифштеком, посыпанным зеленым лучком и утопающем в гарнире из картофельного пюре.

– Я что-то не хочу есть, мамуля.

– Опять гамбургерами напихался? Ничего не хочу слышать. Ешь.

Олесь сжал губы.

Ох уж эта мамахен. Нет от нее покоя.

На экране скайпа под ухмыляющейся физиономией Ника пробежало: – 'С победой, Эл!'

Да уж! Здорово они с Ником сегодня отодрали желторо-

жих.

Он поставил тарелку на одеяло до сих пор не убранной кровати и отстучал в ответ: – 'Хей, хей. Браза'

Кто бы знал, как тяжело жить с родителями в одной квартире. Отец, постоянно тоскующий по своему родному Запорожью. Никак не может до сих пор привыкнуть к Киеву. Мать, звонящая в клубы в самый неподходящий момент, и спрашивающая когда ее любимый Лесик вернется домой. Постоянные наказания и советы. Никакой свободы, не могут понять они, что он уже взрослый. Да и чему могут научить Олесь эти аксакалы, отставшие от жизни? Может лет двадцать – тридцать назад они и были актуальны, но сейчас совсем другое время, другой мир, другое поколение, в конце концов.

Олесь наговорил маме своей зае. Не хотелось звонить и отвлекать ее от лекций.

Эх, студенческие годы – золотые времена! Ни забот тебе, ни хлопот. Жаль, что все это у него уже позади.

Если честно, работать не хочется. Вообще. Но надо, потому что надо деньги. Родаки дают все меньше и меньше. Хорошо хоть 'Мазду' купили.

Работать в ломы, но без работы тоже не фонтан. Фриланс в последнее время не приносит ни удовлетворения, ни денег. Всё говно. Текстовики страшно демпингуют и нет смысла с ними соперничать – за такие цены пусть своей бабушке пишут, корректором можно больше заработать и совершенно без геморроя. Может, дизайнерам т есть смысл шпилить, но

все связанное с текстом в задницу. Пусть студенты и профессора корячатся по евро за тысячу знаков, флаг им в руки.

Из коридора в комнату ворвался запах кофе. Мама сварила Олесь сунул ноги в шлепанцы, взял со стола вчерашнюю грязную чашку и отправлялся на кухню за божественным напитком. Он любил кофе. Мог выпить за день чашек шесть-семь. Это если хорошего. А-то год назад как-то вечером они с заей забежали в 'Кофе-Хауз' на Мазепе. Хотелось есть, а все остальное было уже закрыто.

Олесь оттуда ушел страшно злой, так как обслуживание было говно говном, ждать пришлось в почти час, официантка – редкостное хамло. Он даже тогда комплейн написал. Решил, больше ни ногой туда. А позавчера что-то подтолкнуло, и зашли они туда же снова. Небо и земля!

Меню теперь отличается кардинально. Обслуживание – отличное, официанты добрые и приветливые. Чашки чистые и новые, кофе высшего сорта, а корицу на капуччино сделали рисунком.

В общем, впечатления на этот раз были сугубо положительные.

Как будто в другое место попали. Неужели 'Кофе Хаус' стал таким же приличным кафе, как и в Европе? Или это нам просто повезло?

Зая говорит, что это из-за американцев. Стоило их офицерам появиться на Киевских улицах, и весь совок как ветром сдуло.

Олесь хотел с ней поспорить насчет последнего, но как человек не конфликтный, не стал. Совка еще было предоставлено.

В меню, кстати, заметно эхо "Шоколадницы" – появились грибной суп с гренками и рулет мясной. Но исчезли вкусные бейглы. В общем, хорошо посидели. Заплатила зая. Прямо как в Америке. Скорее бы туда. В штатах можно быть кем хочешь, выглядеть как хочешь, заниматься чем хочешь... При условии, что твоя свобода не мешает кому-то другому. А тут... Конечно лучше, чем в рашке, царствие ей небесное, но ненамного.

Взять тоже телевидение. Здесь показывают старые совковые мультики, телепузиков, тупую рекламу и глупые шоу.

На американском *Smile of a Child* показывают ситкомы, классические диснеевские мультики, кодомо-аниме и клипы рок-н-ролла.

Ну нет у нас телевидения нормального. Разве что платное, да и то – местами. Поэтому вот уже несколько месяцев Олесь смотрел только спутниковые каналы. Например, по утрам американские новости. Он заметил интересную фишку – резкое улучшение английского. В плане communication, понимания фраз и их "подбора" – в мозг все приходит просто космическими темпами. Короче, то, чего Олесь не мог добиться учебниками и сказками, пришло само собой тогда, когда появилась daily practice.

Отличие CBC News от местного трепалова видны нево-

оруженным взглядом. А рашн ньюс? Кто смотрел новости, тот знает, что в рашке негативных сюжетов было примерно шестьдесят процентов от всего выпуска. По любому каналу. Еще тридцать – о том, куда поехал президент всея Руси и кто кого поцеловал в пупок. И оставшиеся десять процентов – что-нибудь интересное. В американском же двадцатиминутном выпуске был ровно один сюжет с криминалом (один мекс шмальнул в белого соседа, показали кровь на крыльце и скорые с носилками) – секунд на пятнадцать, не более. И еще три негативных сюжета (про взрыв в Форт Худе год назад, про лихача и угонщика) – тоже секунд по двадцать. Остальные примерно восемнадцать минут – нормальные и местами интересные сюжеты.

Общение новостников с телезрителями и акценты. Не обнаружил нашей натужности и вымученных улыбок, плоских шуток, нарочито-трагичных лиц, плачущих бабушек, крестов, пьяных мужиков и разможенных трупов, трехминутных репортажей, описывающих и показывающих во всей красе взорванные дома или людей. Ведущие казались куда более естественными, чем наши гламурно-солярные блондинки.

Такие новости он смотреть согласен. В конце выпуска не остается ощущения, что тебя обосрали с ног до головы и что "все плохо, хуже некуда". А наоборот – остается ощущение, что тебе что-то новое рассказали.

Ну теперь-то и в рашке все будет как у людей. Чекистскую

ОПГ заменят на демократическое правительство, поцреотов научат работать, а не шататься с флагами по площадям.

Наверное, он даже слишком много слушал англоязычного радио и ТВ. Стал забывать русские слова. Сегодня утром Олесь сказал по телефону фразу "на уровне моей chest" Затем секунды две вспоминал слово "грудная клетка" на русском. Сначала вспомнил почему-то breast.

Пришла ммэска от заи. Предлагает сходить на Киевский биенале. Там сейчас инсталяция знаменитого Ван Иелле. Такая прикольная. Скульптуры из обработанных лаком фекалий.

Месяц назад они уже ходили в музей современного искусства. Посетили классную выставку 'Спальный район'. Проект стартовал в рамках Третьего фестиваля освобожденных народов Восточной Европы. Он дал положительный ответ на вопрос, возможно ли функционирование современного искусства вдали от центра города, среди расположенных на окраине новостроек. К участию в проекте приглашены около семидесяти современных художников. Каждый из них изготовил уникальный арт-объект из обыкновенной железной кровати.

Впечатления невероятные, давно Олесь не испытывал таких ярких эмоций и сильных переживаний. Современное искусство, безусловно, нечто большее, чем произведения классицизма и всякие там изображения природы. Он понимал тех людей, которые ходят на Репина, Васнецова или восхи-

щаются всякими мишками в лесу. Видя шедевры современных модернистов, понимаешь, что нынешнее искусство стало гораздо глубже, чем простые однослойные картины восемнадцатого века. Кому нужны непонятные былинные богатыри или рашкинские дремучие леса? Ну, посмотрел ты на картину, ну красиво, а дальше что? Где глубокий скрытый смысл? Нет его. Если человек не понимает современного искусства, то он глуп и ограничен. Пусть идёт смотрит на какого-нибудь Шишкина. А мы – прогрессивные и успешные люди будем восхищаться действительно гениальными шедеврами.

Одно плохо, они с заей тогда возвращались домой на электричке. Общественный транспорт – это что-то! Электрички – зло. Концентрация быдла и угасших людей в них зашкаливает за любые разумные пределы. Если днем в них еще можно ездить, то начиная с вечернего часа пик и заканчивая полуднем следующего дня это кошмар.

Что говорить, здесь и на поездах ездить невозможно. Даже на "фирменных". Что в Европе означает "третий класс", хуже которого нет.

Как-то Олесь ехал в Крым поглазеть на НАТОвские боевые корабли на фирменном плацкарте. Все цивильно, только вот кондиционер под потолком дул прямо в морду.

Обратно ехал на старой "Померанче", в которой дуло из щели в окне всю дорогу. В итоге на следующий день проснулся с температурой и кашлял целую неделю.

Нафиг. Теперь только самолеты.

Не знают здесь понятия "сервис" и "комфорт". Никогда не знали и никогда не узнают!

А метро? Когда еще ишачил сисадмином, надоели пробки. От работы до дома добираться минут двадцать на авто, однако порой путь занимал полтора, а то и два часа. Вот Олесь и оставил машину возле офиса и решил поехать на метро. Там он не бывал года три. Попал можно сказать в самый "час пик", куча непонятного народу. Какой-то мужик в бушлате с запахом перегара наступил ему на ногу. Бабки с тележками, толстые женщины с не менее толстыми сумками. Давка, духота. После элегантного салона 'Мазды' это конечно земля и небо. А запахи!! Это же ужас!! На весь вагон чудовищные смеси запахов потных подмышек, потных ног и дешевого одеколона. Ну, неужели так трудно пользоваться антиперспирантом и менять носки каждый день? И не пользоваться одеколоном за пятьдесят евро?

Личное пространство? Забудьте! Любой придурок считает себя вправе навалиться на тебя и пыхтеть тебе прямо в ухо, пока его локтем не ткнешь со всей силы, чтобы отодвинулся.

Скопление бомжей, толп людей, грязь, вонь... пфе. На этих станциях физически сложно находиться дольше пяти минут, по крайней мере ему.

А еще сегодня Олесь впервые за последние годы почувствовал себя чужим. Не на своем месте, среди совершенно

чужих ему людей с чужим менталитетом. Как будто это был не он.

Видимо, уже совсем пора. Как бы раздобыть грин-карту?

Что за народ тут? Задрот на задроте. Ехал один раз пьяненький домой на маршрутке и впервые встретил ВЕЖЛИВОГО водителя. Он, принимая деньги, говорил всем "спасибо". На "спасибо" говорил "пожалуйста". Высаживая пассажиров, подсказывал, где лучше переходить дорогу. Олесь за все время, что жил в Киеве, никогда таких людей не встречал. В шоке просто.

Пешкарусом тоже ходить противно. Грязь. За пятнадцать минут пешей прогулки от метро, Олесь не встретил ни одной урны. Ни одной! Были две возле дверей магазинчиков. И всё. Вследствие этого пространство возле тротуара густо усеяно бычками, жвачками, бумажками и бутылками на всем протяжении. Нет дворников. Перед американцами стыдно!

В общем, из своей 'Мазды' он теперь не вылезет ни за какие деньги. Единственное, надоели эти 'Жигули' с областными и восточными номерами. В Киеве и так полно машин, а тут эта деревенщина с востока на своих тазиках куда-то лезет. Сиди себе в Донецке и пей свою водку или самогон, что ты там любишь, а в Киев не лезь. Будь его воля, Олесь бы запретил въезд в столицу всех машин с не киевскими номерами.

Вот, например, в минувшее воскресенье он подвозил Ашота в ресторан 'Тимур' на улице Шухевича и как назло пе-

риодически попадались эти каракатицы в левом ряду. Приходилось постоянно сбавлять скорость и тормозить то перед какой-нибудь девяткой, то перед какой-нибудь еще более древней посудиною. Видишь, что сзади тебя едет Мазда, уступи. Должна же быть какая-то иерархия на дорогах. Перед Ашотом немного стыдно, на встречу в ресторан мы опоздали. Человек прилетел в Киев недавно, и не хотелось бы, чтобы у него сложились негативные впечатления о городе. Но ничего страшного, думаю скоро он увидит, что в здесь много его соотечественников, а не только провинциальных хамов.

Положение спасли еще и ночные забавы. Гонки по пустым улицам Киева на хорошенькой 'Мазде' оставили невероятные впечатление. В который раз Олесь убедился, что это отличная машина для успешных людей. Ни разу не пожалел о её приобретении.

Сама поездка в клуб прошла на славу, увидел своих старых друзей: Реваза, Венеру и Рафика

В целом выходные прошли неплохо. Kiev never sleeps.

Олесь принял душ и, и, вытирая одной рукой волосы, позвонил своей зае. Голова дико чесалась. Антиперхотный шампунь за тридцать евро от Ив Роше – полный отстой! От него перхоти столько, что продавать можно килограммами.

Встретились они как обычно на площади Европы. Олесь лихо подкатил на своей серебристой и открыл перед девушкой переднюю дверь.

– Привет.

– Привет. С праздником. – Он положил ей на колени букет.

Пятого июня ноября в Европе отмечается как день толерантности, а в Украине мало кто об этом даже слышал, не то, что помнит. Когда на бывшей работе Олеся в этот день спрашивали, какое сегодня число, ему так и хотелось ответить: 'Да вы что! Сегодня же пятое! День толерантности!'. Но он сдерживался, многим по ходу это было просто не интересно.

Недавно Олесь наткнулся на интересную статью в интернете, мол, учителя некоторых Киевских школ должны сдать до первого сентября анкеты, одним из вопросов в которых будет ваша национальность. Учитывая, что в Киеве проживает много армян, азербайджанцев, молдаван и представителей других народов, этот вопрос может вызвать у них не самые лучшие чувства. Мы уже больше тридцати лет строим мультикультурное государство, мы добились отмены в паспорте графы 'национальность', а здесь снова возврат к тоталитарному прошлому. Скорей бы этот казус уладили, а то как-то нехорошо получается.

Зая улыбнулась. Она-то разделяет его взгляды. Олесь с ней полностью совпадает. Зая, например, тоже Веганосексуал. А по-другому и быть не могло. Веганы с иными и не сходятся.

Вот представьте... Вам кажется, что вы встретили свою вторую половину, человека, которого вы искали всю жизнь.

С самого момента знакомства вы мечтаете о поцелуе, и вот он, наконец. Но что это? У него между зубами застряло мясо – остатки обеда. Для веганосексуала все кончено. Веганы – это люди, не употребляющие продукты животного происхождения.

А мясоеды вообще существа без понятий. Если он сочтет, что вы его не удовлетворили, и он мало получил хонора, так он сожрет неугодного вегетарианца прямо в постели.

Лучше вообще с мясоедами, курягами и алкашами прекратить любые отношения. Они слишком неадекватны и малейший конфликт может закончиться неприятностями для вегетарианца из-за их неадекватности.

Нужно отъехать отсюда.

Олесь покосился на одного из двух проходящих мимо парней. На нем была футболка с портретом Че Геварры на все пузо. Комуняка наверное. Значит еще и рашкофил. Ымперец. Того и гляди достанет из-за пазухи коктейль молотова.

Олесь давно придерживался того мнения, что стоит всем этим кухонным революционерам, ярим нон-конформистам, ура-патриотам, неудавшимся поэтам, писателям, музыкантам, веб-дизайнерам, не сотворившим за десять лет ни одного шедевра, алкашам-задротам и прочим дать чуть больше бабла и теплое место, и весь их нон-конформизм как ветром сдует. В общем, главная мысль – бабло побеждает зло, а такое "сопротивление" идет от нехватки этого самого бабла.

Все-таки здорово, что суд отменил запрет на мобов го-

логафической рекламы. Без них за сорок минут стояния в пробке на Симона Петлюры они с заей от скуки с ума бы сошли. А так вон сейчас возле машины с моей стороны рассекает полупрозрачный Картман, а зайку мою развлекает старик Артемий Лебедев. Наши кумиры. И пусть подавятся все те, кто скажет о них плохо.

Вот вспомните прошлых героев хотя бы из двадцатого века. Кумиров своих эпох, тех людей, на которых хотели быть похожими, кому хотели подражать. Чапаев, Буденный, Шварценеггер (точнее, его герои), Брюс Ли, Рэмбо, комиссар Каттани – каждый из вас вспомнит еще десяток имен.

А кто были их с заей герои? Грегори Хауз и персонажи Сауспарка, especially – Картман, редкая сволочь, но – кумир миллионов. Артемий Лебедев – интернет-кумир.

Если присмотреться, у них масса общих черт.

Они грубы, прямолинейны, обладают высоким уровнем интеллекта (да, они умны), они матерятся без зазрения совести. Они бестактны и они плевать хотели на любую мораль. Они хамы. И говорят то, что думают.

Они не имеют ничего общего даже отдаленно с Брюсом Ли или Чапаевым. Они вызывают справедливое возмущение у консерваторов и старшего поколения. Но молодое, то есть они с заей, от них в восторге.

Почему это происходит? Да люди просто устали от морали.

Глупо на самом деле винить этих героев – Картмана, Ха-

уса или Лебедева – в том, что они такие. Они просто попали at the right time. Тогда просто настало время таких героев. Время еще большей свободы от морали. Хотим мы этого или нет – оно есть и никуда от этого не деться. Равно как и бессмысленно с ними бороться. Особенно сейчас, когда Украина стала частью большой европейской семьи.

У Еврейского культурного центра, где проходил бесплатный кинопоказэ припарковаться не удалось. Не по причине большого скопления машин, а из-за того, что въезд был перегорожен похожими на танковые бетонными надолбами.

Туда интересно было пойти и вообще, а на бесплатный показ классики Голливуда – тем более.

На входе здесь стоял суровый охранник с автоматом (!), внутри – еще двое. Еще металлодетектор и рентген для багажа, как в аэропорту.

В общем, ребята о безопасности реально волнуются.

Четыре этажа, причем все выглядит крайне цивильно, чисто и интересно. Были всякие аккуратные киоски с сувенирами (или это приспособления для молитв?). На втором этаже евреи продавали всякую кошерную пищу. Там же висели мемориальные таблички с именами. На четвертом – стены увешаны картинами в классическом стиле с жизнеэпизодами всяких разных евреев.

Но главное – люди. Олесь никогда в жизни не видел классических, ортодоксальных евреев вживую. То есть в кипах, с пейсами и вообще как будто сошедших с картинок.

Оказывается, они существуют и обитают в этом центре. В большом количестве.

Тут еще и огромная синагога внутри, которая занимает сразу два этажа.

А на четвертом этаже и проходил показ. Вот что удивительно: Девяносто процентов посетителей – дряхлые бабушки и дедушки. Большинство евреев, что вполне разумеется. Но возраст! Они с зайкой были вообще единственными молодыми людьми во всем зрительном зале! Было еще несколько человек среднего возраста. Но и все. Такого огромного количества старперов Олесь даже в консерватории неделю назад не встречал. Даже в театрах такого не бывает.

Может это и из-за фильма – мрачная картина с Марлоном Брандо – но на вряд ли.

В июле пообещали "месяц антидепрессивного кино". А в августе – "месяц Мэрилин Монро". Сходить или нет? Потому что, если честно, место им не понравилось. В нем отсутствуют позитивные волны, что ли. Недружелюбное какое-то место. Можно объяснить это тем, что евреи не приемлют чужаков как внешне, так и внутренне, поэтому и было так неуютно. Впрочем, Олесю и в православных храмах не менее неуютно.

Потом они заехали в веселый ресторанчик для веганов. Отведали очень вкусный овощно-фруктовый салатец из тертой моркови с нарезанным бананом. Няма.

Расставаться ужасно не хотелось, поэтому они зашли в

автосалон на площади имени Бандеры. Долго бродили между сверкающих автомобилей, цокали языками, фоткали. На улице возле выхода едва не налетели на бабку с тележкой, которая обозвала их буржуями недорезанными.

Пфэ...

Зая аж позеленела. Олесю даже показалось, что ее вот-вот вырвет. А тут еще ее муженек подоспел. Бойкий такой дедок. Ну и понеслось: – 'Маменькин сынок. Сам ничего в этой жизни не сделал. Ни копейки не заработал'.

Это он увидел, как Олесь свою 'Мазду' открывает.

Вот чисто совковая русская привычка – делить чужие деньги. "А не поделишься ли ты с нами, милоч?"

Не укладывается в сознании простого тупого советского обывателя, что это не его деньги. Что человек их хоть и случайно, но совершенно честно получил. Никого не грабил, не убивал, не воровал. Нет, ведь с семнадцатого года в совковых людях сидит убеждение: много денег – отнять! Раскулачить! Захапать себе! И сидеть в своей деревне.

Лодыри, тунеядцы и совковые бездари. И не надо кивать на то, что это провинция. Какая разница-то? Люди везде одинаковы на всем пространстве экс-юср. Крепко сидит гребаная советская быдло-идеология о всеобщем равенстве. И сейчас что таких задротов все еще полно. После лицезрения этих...эээ... людей, хочется пойти и заняться шоппингом. Или почитать что-нибудь вроде Collezioni или Vogue. Или мохито выпить. Или кулончик купить. Чтобы уравновесить.

Брр.

Олесь бы сдал эту парочку в американскую комендатуру, но ведь не будут связываться.

Во! Орет что-то про предательство. Знакомая песня. Пока жив был рунет, там тоже многие поцреоты вопили про предательство. Отсталые индивиды... Да нет, скорее зачуханное быдло. Сугубо неправы те недалекие товарищи, которые рассматривают тему предательства как единую и неделимую.

Например, Родину Олесь предаст легко, с удовольствием и даже денег не ет. Потому что ему на нее начхать. Правда, кому он нужен, какому ЦРУ?

А вот близкого человека – никогда и ни за какие деньги.

Почему? Потому что он считает, что сам в состоянии заработать себе на квартиру, машину и дачу на Багамах. А если не в состоянии, значит, недостоин. А доверие человека не купишь ни за какие деньги, и оно ценнее всего на свете. И предав его раз, даже в пользу самого близкого друга, этот индивид лишается его навсегда. Как в той известной притче про крокодила и обезьяну.

Поэтому он не понимает, когда люди идут на жертвы ради эфемерных идеалов и странных территориальных образований. Это жалкие лузеры, ни на что не способные. Главное – свобода личности. А эти? Таких в Украине еще пороть не перепороть. Орут 'русские мы, русские.' Если человеку больше нечем гордиться и он не обладает никакими талантами, он начинает гордиться тем, что он русский.

А Олесю, например, стыдно, что он русский. Да он и не считает себя таковым. Все папахен напоминает.

Завез заю домой, приехал к себе, да и залез в душ. Олесю хотелось отмыться от этих уродов.

Он еще не знал, что завтрашнее утро начнется с визита сотрудника рекрутинговой службы Киевского департамента обороны.

5.06.2024 г. Украина г. Киев

Отец в задумчивости, мать в истерике, он в шоке. Попытались задействовать связи зайкиного папаши, еще четыре года назад работавшего в аппарате президентши, но единственное, что ему пообещали – подобрать не пыльное местечко в Technology detachment самой USA army. Все же лучше служить вместе с этими закомплексованными очкариками, чем с необразованным быдлом в армии украинской.

Сам департамент Олесь представлял себе несколько по-иному. Все-таки уже много лет там хозяйничали американцы, и атмосфера совковой поликлиники с очередями возле каждого кабинета, с обтянутыми красным кожаным банкетками в коридорах и прочими радостями госучреждения подобного сорта стала неприятным сюрпризом для Штепы.

На одной такой банкетке возле офиса N 541 Олесю пришлось дожидаться своей очереди в компании других новобранцев. Все они были немного испуганы, как и он сам. Толь-

ко Гоша Филипенко, впоследствии получивший кличку Филипок, не унывал. Очень неприятный, навязчивый парень. Он прицепился к Олесю, и тому не удалось отвязаться от Филипка до самого вечера. В отличие от Штепы, он призывом не тяготился и связывал со службой в рядах миротворцев самые радужные надежды. Сам он был из неполной и небогатой семьи, но хорошо сек в электронике. Поэтому тоже надеялся попасть в TD. И чем больше Гоша разглагольствовал о своих планах стать оператором беспилотного летательного аппарата, постановщиком помех или поводырем всех этих военных роботов, тем больше Олесь понимал, что в этом отряде умников ему мало что светит. Вот тогда-то Штепа впервые пожалел, что пошел на факультет социологии, а не на какой-нибудь технический. Ведь если не удастся закрепиться в TD, отправят месить грязь в строевые части.

– Погляди, Эл, я нарыл все эти тесты, что нам придется сдавать. – Филипок сунул Олесю под нос какую-то книжку, на обложке которой было написано: 'Armed Services Vocational Aptitude Battery'. – Ты только посмотри какой дебилизм. Вот первый тест General Science (GT). Воздух вокруг нас в основном состоит из: карбона, азота, водорода или кислорода? Или. Наиболее важная провизия для прогулки в жарком, сухом климате: мясо, изюм, фрукты, хлеб или вода? Как тебе? А вот арифметика. Ваш сосед купил X велосипедов за четыре тысячи долларов и продал их за шесть тысяч двести долларов, заработав на каждом по пятьдесят долла-

ров, сколько он их купил?: сорок, сорок три, тридцать восемь или сорок четыре?

— Это они нас за идиотов держат. — Ухмыльнулся Олесь. — И правильно делают. Я щетаю.

— Не. Это родной амеровский сборник тестов. — Возразил Филипок. — Кореш купил в ихнем магазине. Такие тесты все американские рекруты сдают.

В офисе Олесь сел на указанное ему место возле коротко стриженного сотрудника. Одет тот был в гражданское, разговаривал вежливо, и ничто, кроме прически не выдавало в нем военного. Олесю задали несколько ничего не значащих вопросов, для проформы спросили какую профессию он выбрал и где хотел бы служить. Затем Штепа долго подписывал многочисленные бумаги. От Гошы он уже знал, что значение имеет только контракт, который они будут подписывать перед самой присягой. Сегодня же их главная цель — пройти регистрацию и получить направление на медицинское обследование и тесты. Все эти процедуры в принципе тоже на зачисление в ряды миротворцев особо не влияют. Сейчас у коалиции такие проблемы с личным составом, что это надо быть либо инвалидом, либо полным неадекватом, чтобы не пройти первичный отбор.

Вся эта тягомотина продолжилась и на следующий день. Тесты они прошли без проблем. Медосмотр тоже. Там вообще только померили давление, температуру, заглянули в рот, посветили какой-то хреновиной в глаза, ну и еще что-то по

мелочи.

На третий день все тот же обритый молодой парень оторвался от своего компьютера и положил перед Штепой контракт. Все как полагается – три экземпляра. Олесь взял дрожащей рукой авторучку и подписал там, где указал этот американский чиновник. Спустя час им было предложено пройти в комнату для принятия воинской присяги, которую проводил молодой лейтенант. Заиграл американский гимн, И хоть все, были одеты кто во что горазд, мигом приложили руку к сердцу и запели знакомые слова.

Теперь ты в армии, сынок.

Олесь испытывал какие-то смешанные чувства. С одной стороны постоянно всплывала одна и та же мысль:

На кой черт тебе все это надо?

С другой стороны изнутри распирало:

Вот она, настоящая Америка. Рукой подать.

Как понял Штепа, основная масса призывников обрабатывалась вообще в другом здании и совершенно по-другому принципу. Всех малоимущих просто по ускоренному варианту табуном зачисляли в украинскую армию в соответствии с каким-то новым указом президента. Никаких контрактов они не подписывали не то что с правительством США, а даже с ридной ненькой Украиной. Этих лошков из департамента уже не выпускали, а прямо на заднем дворе грузили в огромные американские грузовики и увозили в неизвестном направлении. Значит зацепки зайкиного папаши все-таки сра-

ботали и может быть у Олесь теперь будет шанс получить грин карту после года пребывания в USA army. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

8.06.2024 г. Украина г. Киев

Мама напихала в новый рюкзак столько всякой ерунды, что поднять его Олесь с первого раза не смог. Пришлось втихоря выкладывать кульки с пирожками, теплые носки и прочую не нужную мелочь. Вот сколько он говорил ей, что в американской армии кормят нормально и всю нужную одежду выдают!

Возле департамента уже стояло несколько автобусов, в которых им пришлось просидеть целых два часа. Ждали сначала машины сопровождения, а потом какое-то начальство. Совок он и есть совок.

Ехали долго. Разглядывать пейзажи за окном желания не было. Олесь минут сорок послушал аудио курс американского английского, а потом переключился на музыку.

На место прибыли в полдень. К их автобусу сразу подскочил высокий, крепкого телосложения негр. Настоящий дрилл-сержант. Эти глупыши потом прозвали его за глаза гамадриллой.

– Всем из моего автобуса! – заорал дрилл – Сейчас же! Встать в строй! Если у вас что-то во рту, немедленно это проглотить! Вы приехали в мой лагерь, и у меня свои правила. Отныне вы рекруты, забудьте слово 'я'. Вы будете говорить

о себе или других только в третьем лице: 'этот рекрут' или 'долбанный рекрут', какая бы фамилия у вас ни была. К тому же вы не будете говорить, пока к вам не обратятся, вы не будете чесаться, как обезьяны, не будете глазеть по сторонам. После каждой команды вы прокричите: 'Так точно, сэр'.

Весь сон, все-таки сморивший Штепу в автобусе, как рукой сняло.

Че он так орет?

– У вас есть четыре минуты, чтобы выйти из автобуса. Продолжал орать сержант. Если хоть один засранец не успеет, все будут наказаны.

Испуганные компьютерные гении и моделисты самоучки начали судорожно хватать свои рюкзаки и толпиться в проходе между креслами. Естественно все выйти не успели.

– Ну что, девочки, не можем без мамки? – ухмыльнулся негр, оторвавшись от секундомера. – А теперь повторим все еще раз. Быстро в автобус, сосунки.

И они повторили еще раз свое неуклюжее десантирование на плац. И еще раз. На четвертый раз дрилл сжалился и разрешил не затаскивать обратно рюкзаки с барахлом. На этот раз уложились.

Всех заставили сложить свои рюкзаки и сумки возле ворот и построили в шесть шеренг. Мимо, в сопровождении дрилла-латинос, стройными рядами промаршировала колонна подтянутых молодцов.

– Уши!

– Востро, сэр! – прогремел взвод.

– Глаза!

– Смотрят, сэр!

За долю секунды все их головы повернулись, и взгляды устремились на новичков. Латинос поправил свою кепку.

– Посмотрите на это дерьмо, – тыча пальцем в новобранцев, говорит этот сержант, – еще каких-то десять недель назад вы были такими же безобразными ублюдками! Кроссовки, вывернутые наизнанку кофты...

Дальше Олесь не слушал.

Какой-то офицер, заложив руки за спину, подошел к ним и неспешно прошелся вдоль строя.

– Меня зовут Скотт Тейлор. Капитан Скотт Тейлор. Я приветствую вас в самом лучшем центре подготовки солдат в этой стране. Вам предстоит стать защитниками родины и вообще всего мира от врагов этого самого мира. Следующие два с половиной месяца вы будете учиться, как стать хорошими солдатами. Америка дает вам эту возможность. Желаю вам всем удачи. А сейчас сержант Уильямс объяснит, что вы будете делать дальше.

И сержант объяснил. Дальше была перекличка. Потом весь строй, мало чем отличающийся от толпы, подвели к приземистым хозяйственным постройкам и заставили стоять под палящим солнцем полтора часа. Еще в автобусе новобранцев предупредили, что курить во время Basic Training (а попросту в учебке) запрещено. Никто и не рискнул, хотя

очень хотелось. Если бы Олесь знал, что свои личные вещи он увидит только через три недели, обязательно бы сунул в карман пару пачек сигарет. Плевал он на эти запреты. Ему вообще претило ходить строем и слушать этот ор. Выгонят, так и к лучшему. Так ведь не выгонят же, вот в чем беда.

Еще два часа ушло на стрижку. Из цирюльни все выходили как штампованные заготовки с конвейера, сразу подрастеряв свою индивидуальность. То ли еще будет, когда их заставят напялить форму.

Наконец, всех по очереди в алфавитном порядке начали вызывать внутрь и выдавать одеяла, простыни и подушки. Получившие белье, опять выстраивались в шеренги и тащились к казарме.

Казарма – это один большой коридор, из коридора комнаты без дверей на восемь человек каждая, одноярусные кровати. Ящик для персональных вещей от пола до потолка. Общий душ, туалет, бетонные полы, каменные стены. Никакой музыки, телевизоров, личного времени... В общем попали.

– У вас 200 секунд, чтобы быть на линии перед койками вымытыми и побритыми! – прорычал вошедший Уильямс.

Чем бриться-то? Все же осталось в рюкзаках.

Вот уже двадцать часов на ногах, а кто и больше, наконец-то можно лечь!

– Спокойной ночи, девушки!

– Спокойной ночи, сэр, – отозвалось несколько протяжных голосов.

– Что? Ах вы, ублюдки! Быстро всем встать!

Пока проходила поучительная лекция, Олесь оглянулся вокруг. Удивляет число тех, кто по весу на лучших воинов Америки не походит. Либо щуплые доходяги в очках, либо толстяки. Нормальных парней: раз, два и обчелся.

– Спокойной ночи, рекруты.

– Спокойной ночи, сэр, – уже рывкнули все.

– Подъем в четыре тридцать. И пусть только кто-нибудь попробует вовремя не оторвать своей задницы от лежанки.

– Так точно, сэр.

Ночью Олесь неожиданно проснулся. Он вообще плохо засыпал в чужом месте, но тут вырубился сразу. Однако снились какие-то кошмары. Штепа прислушался. Во всей казарме мертвая тишина и только слышно, как несколько человек плачет. Слезы покатались и у Олеся. Он не привык, чтобы с ним так обращались, унижали его достоинство, орали... Накатила жгучая обида на жизнь и тоска по дому. Еще вчера он нежился в своей мягкой постельке, смотрел допоздна телевизор, звонил друзьям или зависал в интернете. И теперь эта общага с чужими, незнакомыми людьми. Этот хлев!

9.06.2024 г. Украина г. Харьковская область. Чугуевский район п. Башкировка

– По-о-о-одье-е-ем.

Им дали десять минут на туалет. Затем formation. Построение. Второе построение уже гораздо строже. Тут переступа-

ние с ноги на ногу не проходило, глазами водить нельзя, тем более разговаривать. Отжимались за эти провинности всем строем по несколько раз. Уильямс орал не переставая. Ну и глотка у него!

Затем началась зарядка. От новичков требовалось пробежать милю и отжаться одиннадцать раз. Олесь к финишу припелся и кое-как отжался, Филипок это сделал вообще без проблем, а некоторые так и остались сидеть в траве за воротами, дыша, как рыбы, викинутые на берег.

Что он ел там на завтрак в свой первый день Basic Training Олесь совсем не помнил, как не отложились у него в памяти и обед и ужин.

После завтрака их опять выстроили перед складами, и опять повторилась вчерашняя процедура выдачи слонов. Только на этот раз получали обмундирование. сначала им выдали Duffle bags – вещмешок, куда они должны были складывать форму. И понеслась. Получаешь – в мешок, получаешь – в мешок. В общей сложности Штепа получил: четыре комплекта формы – два летней BDU и два спортивной; одну куртку от дождя; две пары сапог; две кепки; двое шорт, две футболки; шесть пан носок; шесть коричневых футболок; шесть коричневых трусов.

После обеда привезли рекрутов с запада. Эти на всех смотрели зло, по-волчьи. Ни с кем не общались. Их тоже гоняли по хозяйственным делам, а затем всех рекрутов чохом собрали на плацу и принялись распределять в platoon (по-

нашему взводу). Восточных (их было мало, и они приехали за день до Олесь), столичных и западенцев перемешали в случайном порядке. Потом народ все равно размежевался по группкам.

И это лучшие люди страны! Все говорят на английском, все владеют какой-либо редкой профессией, раз их взяли в TD. Дикость какая-то.

Вечером Олесь снова провалился в сон, едва коснувшись щекой подушки.

9.06.2024 г. Украина г. Харьковская область. Чугуевский район п. Башкировка

– Свет!

– Свет! Свет! – все молниеносно вскакивают с коек.

– Отсчет.

– Первый, второй... пятьдесят первый.

– Ординарец!

– Пятьдесят один рекрут на палубе, сэр!

Все одеваются под отсчет, черт, другой platoon уже построился... Сержант Уильямс вышел из себя:

– Ну, что, будем копать? Ладно, суки, будете дурака валять, я тоже поваляю. Всем упасть-отжаться. Бегом к стене! Бегом к другой стене!

В столовой никто не двигается, в ожидании уткнулись в подносы.

– По моей команде и только по моей команде вы откусите

кусок хлеба.

– Теперь вы отопьете воды.

– Все на выход. – И это все опять же под секундомер.

Плохо. Как тут плохо. Потом стало ясно, что первые четыре дня прошли вполне безобидно: бесконечные очереди на прививки и осмотры, заполнение документов. А тогда Олеся это казалось сущим адом.

Завтра им должны дать Military ID и если все будет нормально, то завтра начнется настоящая боевая учеба.

9.06.2024 г. Украина г. Харьковская область. Чугуевский район п. Башкировка

Олесю присвоили E-3 (Private First Class – звание). Как и большинству здесь. Наверное, из-за высшего образования. Филипку так не повезло. И правильно. То же самородок выискался.

Есть совсем не хочется. Да и еда здесь...

На завтрак: дешевый жареный бекон из трупов животных. Длинные тонкие ломтики, штук пять-шесть. Пфе... Яйца типа омлета – привокзальные помои. Клейстер, по недоразумению называемый геркулесовой кашей и хлеб как вата. Напитки: безвкусное молоко и жутко сладкая красная жидкость.

На обед: курица в разных исполнениях. От ножек, крылышек до разного вида запечённых в хлебе частей несчастного животного и чего-то в виде котлет.

Трупоеды!

Молоко. Хлеб.

Гарнир. Чаше рис, иногда макароны. Иногда всё кончается кроме чего-то одного. Один раз Олесь попал на фасоль в каком-то соусе – перца там было немеряно.

В основном Штепа брал разного рода овощи и салатики, хотя они здесь дерьмовенькие, не умеют здесь делать салаты.

Вся еда кладётся не в тарелки, а в поднос, который имеет ячейки. Как свиньям в корыто.

Олесь бы, конечно, не отказался вечером от чая или кофе с круассанами, но денег нема. Да и запрещено это

Каждый день расписан едва ли не по минутам: подъем, зарядка, завтрак, занятия в классах. Когда занимаются все четыре взвода, в каждом почти по шестьдесят человек, то все сидят в одном ангаре и им показывают голографическую презентацию. Затем обед, снова классы, ужин, РТ тест для не сдавших предыдущий, с восьми до девяти персональное время, в девять отбой.

В персональное время Олесь едва успевает постираться и принять душ. Зверски хочется курить.

Сержант выбрал четырех рекрутов в лидеры отрядов. Тех, кто хоть как-то уже умел маршировать. Еще человек шесть выбрали на мелкие должности: ответственных за кладовку, за постельное белье и так далее...

Штепа стал помощником писаря. Неплохая должность, иногда приходится после отбоя повозиться с бумагами, но зато теперь он меньше будет попадать в дежурство.

Прошло несколько дней. Хронически хочется спать. Особенно тяжело на теоретических занятиях. Сегодня, например до обеда пропаганда, после – лекция про команды...

Строевые, занятия, снова строевые, снова занятия, борьба со сном, нудно, скука...

Большая проблема с отжиманиями, так как чаще всего приходится корячиться всем взводом из-за того, что кто-то не укладывает во времени, неправильно выполняет строевые команды, за разговоры в строю, за все что угодно.

В четверг вообще было что-то страшное. Вечером пришли отрядные, ординарец и писари из третьей фазы, 'показать' им, как нужно проводить уборку в казарме. Строили из себя дриллов, орали на новичков и указывали, что делать. Уборка усложнялась проходящими мимо сержантами из других взводов, они вытряхивали мусорные баки на пол и пинали ведра с водой.

По слухам, в одном из взводов разъяренный дрилл вытер пол рекрутом...

Хотя в принципе сержанты относятся к рекрутам ДТ терпимо. Кажется все дело в английском. База довольно большая и ее южная часть отделена от северной высоким сетчатым забором, за которым стоят несколько десятков казарм для рекрутов строевых частей. Вот их дриллы не любят настоящему. Даже боятся. Их они частенько между собой обзывают коммунистами.

Олесь даже слышал такую историю, что один из сержантов

отказался сопровождать 'строевых' на стрельбище. Говорил, что боится, что кто-то его там застрелит. Потом узнали подробности. Дело было совсем не в этом. Сержант был темнокожий и 'строевые' часто за глаза называли его ниггером. А-то и по круче. Ясное дело, никого здесь в Украине в суд за это не потащишь, вот дрилл и встал на дыбы.

Говорят, там много урок. Кто еще пойдет добровольно на войну? У них в TD тоже есть один такой парень, малого роста, жилистый и с очень хитрым лицом. Зовут его Майкл. Задирается он почти ко всем: и к киевлянам и к восточным и к западенцам. Позже Олесь выяснил, что он был судим за мелкие кражи, но 'реабилитирован' с условием службы в армии. Родители его сидели, братья сидели. Вообще не понятно, как он все же попал именно сюда. Проплатил, наверное, кто-то.

16.06.2024 г. Украина г. Харьковская область. Чугуевский район п. Башкировка

Воскресенье. Ленивый день. Щадящая зарядка и всего одно занятие в классах. Зато бесконечная уборка.

Вечером будет время написать письмо маме. Обычное письмо. Телефоны и смартфоны здесь запрещены, е-мейлом родители так и не научились пользоваться, а вот зае он уже отослал три письма, забегая в персональное время в библиотеку. Не отвечает. Тоскливо.

После бесконечного переклеивания ленты с отштампо-

ванной фамилией на кепки, ящики, фляжки и прочее, большинство рекрутов ушло на религиозные службы, кто-то занялся стиркой. Олесь дольше обычного стоял под душем, стараясь отмыться от вони чужих носков и мясного духа, которым он пропитался насквозь в этой проклятой столовой.

Но вот кончилось хорошее. Понедельник, вторая неделя. Опять муштра, равнение направо, открыть, закрыть, сдвоить ряды. беспрерывно орут разные речевки, все время следуют команды:

– Первый отряд, два шага вперед, второй отряд, шаг вперед, третий отряд стоит на месте, четвертый, шаг назад.

Потом прерванный обед из-за того, что рекрут Саная смотрел по сторонам.

– Бег на месте! Быстрее, колени выше!

– Да сэр!

– Ну-ка, воинский клич!

– А-а-а-а!

– Громче!

– А-а-а-а-а-а-а-а-а!

– Упал-отжался! – Для большего эффекта Уильямс лупит железным совком прямо возле уха Олесь.

– Да сэр!

– Считай!

– Раз, два, три, четыре...

– Быстрее, живее!

Всю неделю было трудно уснуть. Каждому рекруту на де-

журстве предстояло проорать пятьдесят раз: 'Добрый вечер, сэр. Рекрут Товпань рапортует. Здание номер пятьсот семь, взводное помещение 'Б'. На палубе пятьдесят пять рекрутов, пятьдесят пять вещевых ящиков морской пехоты Соединенных Штатов Америки, все на двойном замке. Все спокойно на данный момент, сэр!'.

Сержанты учили, как привыкли. Сами морпехи, и им наплевать, что перед ними тщедушные очкарики из TD – недавние маменькины сынки.

Вторник, вторая неделя, сегодня МАКМАП – рукопашный бой.

– Удар!

– Килл!

– Удар!

– Килл!

– Комбинация!

– Килл! Килл! Килл!

Хорошо, что из-за кап во рту не заставляли громче орать. Хотя конечно это была скорее игра в морских пехотинцев. Любой пацан из соседнего двора легко порвал бы этих 'Marins'. Однако щуплые становились плотными, а жирные, крепкими.

Уильямс подбадривал их воспоминаниями:

– МАКМАП – это классно. Иногда в Исфахане, когда мы вламывались в дома, не было времени даже прицелиться из автомата, приходилось действовать ножом. Пару раз воткнул

нож ублюдку в горло и смотришь, как он отхаркивается кровью. Конечно, если хотите его пожалеть, то всадите ему в башку пулю, но я предпочитал их потрошить.

На следующий день им выдали новые рюкзаки, высшего качества, со множеством застёжек и карманов, кевларовые каски, складные саперные лопатки, бронежилеты с двумя керамическими плитами на спине и груди, спальные мешки, плащ-палатки, три большие фляжки с водой, непромокаемые куртка и брюки, ремень поясной широкий с навесным снаряжением, а главное винтовку M16 и два магазина с холостыми патронами к ней.

Наконец-то начнется настоящее дело.

На первый взгляд, винтовка разочаровала. Она очень легкая, весит меньше четырех килограммов. Около метра в длину. Поражает количество пластмассовых деталей. Даже трудно поверить, что это смертельное оружие, а не игрушка. К концу дня все удовольствие от обладания оружием пропало. Начали болеть мышцы спины, о которых Олесь раньше и не подозревал. о все Опять эта муштра

– Винтовка должна быть наклонена ровно под углом в сорок пять градусов, с прицелом точно на уровне левого глаза. Пальцы вместе! Что бы никаких промежутков. Локти прижать к телу! – Объяснил Уильямс. Олесь поймал себя на том, что почти любит этого парня.

Что это? 'Стокгольмский синдром', когда заложники начинают дружить с террористами, или у него едет крыша?

'Учение через боль'. Больно от непрерывных отжиманий, прыжков, приседаний и всего, что придет в голову сержанту. При этом орет и он и они. Это называется 'подбадривающая тренировка'.

На следующий день они, наконец, поехали на стрельбище. В автобусе все уснули, облокотившись на винтовки. Даже сержант отключился после угроз, что замучает всех, если кто-то посмеет уснуть.

Пока помощники инструктора расклеивали мишени, он объяснял рекрутам, как нужно целиться и стрелять, что подкручивать для стрельбы на разных дистанциях и при сильном ветре.

Долгие минуты в неудобных позах, где вес винтовки распределяется на все тело, перетянутое петлей левое предплечье, из-за этого потом онемевшая рука болталась, как тряпка, несколько минут.

– Иногда в Иране было так скучно, что мы начинали стрелять по собакам. – разорвался инструктор. – Я сам одну лично в жопу подстрелил. С пятиста ярдов человека тоже можно завалить. Я завалил четыре десятка. Главное, сконцентрировать все внимание на мушке, вдох, выдох и плавно нажимаете курок. Бам! И смотрите на розовую дымку вдали...

Пятница, вторая неделя. Сегодня зачет. Каждому выдали по пятьдесят патронов. Стрельба на время: сидя, лежа, стоя, с колена; с дистанций в двести, триста и пятьсот метров.

Штепа отстрелял ниже среднего – всего на сто сорок оч-

ков из двухсот пятидесяти.

К началу третьей недели отсеяли несколько человек. Трое пытались покончить жизнь самоубийством. Двое сильно заболели, Пришли результаты анализов, и вскоре из других взводов отсеяли нескольких наркоманов.

И опять бесконечная муштра, бег с бревнами, преодоление препятствий.

Каждое утро гонка: кто из взводов быстрее займет очередь в столовой. За пятнадцать минут до подъема многие уже не спят, кое-кто заправляет постели, хотя вылезать из коек не разрешается.

На то, что в подносе Олесю уже было наплевать. Он еле-еле успевал запихать в себя съедобную субстанцию. Иначе до обеда не протянуть. А есть после всех этих РТ тестов и строевой хочется зверски. Но мясное по-прежнему в сторону.

Четверг. Он умудрился поспать на утренних занятиях, в первом ряду сидел, вот и не заметили. После обеда вместо занятий очередные тесты. На этот раз по оказанию первой помощи и на знание пропаганды. Вечером проверка батальона. Они простояли три часа неподвижно в парадной форме. Ноги чуть шире плеч, левая рука за поясом, правая впереди держит дуло автомата. Прошлись сержанты из других рот. Не дай бог пошевелиться. Чуть что, а сил уже нет никаких. Совсем.

Но это уже не самое страшное. Obstacle course – полоса препятствий. И полигон – вот это ад кромешный.

Вначале идет инструкция по технике безопасности, затем демонстрация, и далее все передвигаются по трехкилометровому рубежу с полосой препятствий. Пролезают под колючей проволокой, перепрыгивают через бревна и окна домов, и прочее.

И везде стоят силуэты вражеских солдат зеленоватого цвета, изготовленные из упругого пластика. Олесь пригляделся – они напоминают советских солдат с автоматом Калашникова пятидесятих годов прошлого века. Прикол, да и только!

Ну что тут делать, надо бегать и протыкать всех подряд, что он и делал. Потом небольшой перерыв и еще один круг, затем обед.

Перед обедом Штепа пошел в портативный пластиковый туалет. Будка была занята. Пришлось ждать.

Базар-вокзал, да и только. А владеют передвижными туалетами частные компании, которые сдают их в аренду армии за неплохие денежки.

Вот и третья неделя подходит к конца. Олесь уже перестал считать дни до конца Basic Training. Да и что считать? Впереди все равно ничего хорошего.

Сержанты ходят какие-то смурные. Словно в воду опущенные. Говорят, что в России дела у USA army идут из рук вон плохо. Их дрилла Уильямса вроде как туда отправляют. Вместо него прислали какого-то латиноса. Родригес. Он мексиканец, небольшого роста и не такой накачанный, как Уи-

льямс. Рекруты с трудом его понимают из-за его акцента и шепелявости.

Смешно, что Олесь устал жить среди русских. Он так мечтал попасть в Америку, и вот теперь цель так близка, но по иронии судьбы, как минимум год придется этих русских умироворять. Обхохочешься.

На следующей неделе все platoon отправляют на полевые занятия. Рекруты будут жить в палаточном городке и постигать азы тактики боя и все такое.

Наконец разрешили забрать личные вещи. У Олесья из рюкзака украли плэйер и смартфон. А еще у там лежала бутылка шампуня и какой-то гад ее открыл и вылил прямо в рюкзак. Все книги и одежда были испорчены, и Штепе стало так обидно, что он пошел жаловаться. Это ни к чему не привело, и Олесь мог только догадываться, кто же это все сделал. Так что пришлось покупать новый. Благо в магазинчике были в наличии дешевые китайские плееры. Смартфон же позже заменил солдатский планшет, выданный на пятой неделе.

24.06.2024 г. Украина г. Харьковская область. Чугуевский район

В лагерь поехали уже не в автобусе, а на бортовых 'Уралах'. Всю дорогу Штепа глотал пыль и матерился про себя. Потом всем взводом ставили палатки и вообще обустроивали лагерь. Столовой тут естественно нет, а значит все эти дни придется питаться MRE, что означает – еда, готовая к

употреблению. Это пластиковая пачка размером с два блока сигарет, она разбита на пятнадцать разных блюд. Например, в одной пачке может быть котлета (отдал Филипку), сухой хлеб, яблочное пюре, несколько конфетами. Еще там небольшое пироженное, специи, джем и ореховое масло, салфетки, ложка, жевательная резинка, кофе и разогреватель. Открываешь упаковку, добавляешь немного воды, и через минуты упаковка становится горячей, достаточной чтобы разогревать еду даже зимой без огня и электричества.

Все надежды отдохнуть и расслабиться отправились прямиком псу под хвост. Начальство преподнесло им сюрприз в виде ночного преодоления препятствий. Оказывается, лагерь им устроили недалеко от очередного полигона. Весь вечер и добрую часть ночи рекруты проплавали в грязи, пошел сильный дождь. Ползали под колючей проволокой под выстрелы из пулемета, правда, из-за бывавших ранее несчастных случаев стреляли холостыми, но эффект все равно устрашающий. Каждую минуту со свистом взрывалась 'хлопушка'. Короткая перебежка до прикрытия, нырок в лужу, огонь из винтовки, пока не подтянутся остальные. Добежали до окопа с врагом, прикладом в морду резиновому ублюдку и дальше плавать в грязи. Каждую минуту инструктора запускали в воздух осветительные ракеты. Все падают в мокрую траву, пока ракета не гаснет. Пошел ливень, черт, не осталось сухой клочка одежды, холодно, очень хочется есть и спать. Наконец все это закончилось. Разукрашенные мас-

кировочной краской лица, покрытые слоем грязи, с набитыми землей винтовками они еле-еле добрались назад. Дождь, слава богу, кончился, все переоделись в последний чистый комплект камуфляжа. Сил есть уже не было. Олесь дополз до своей палатки и отключился.

С утра снова обрадовали. Вместо зарядки – марш-бросок в семь километров с полной выкладкой. Олесь думал, что не выживет. Обошлось. Рюкзаки хоть и тяжелые, но удобные. Мешали только винтовка, которая постоянно слетала с плеча, бронежилет, который сильно тер поясницу и обод каски, что давил на голову. Пот струйкой тек из-под нее. Вскоре и вся спина мокрая. Через час промокает все остальное.

Взвод разделили на две колонны. С каждой стороны дороги. Вернувшись, свалились у палаток прямо на траву. Долго пили, и только потом принялись за MRE.

Во вторник 'держали оборону'. Рыли окопы, таскали ящики с патронами, потом с криком взбегали на бугор и устанавливали периметр. После обеда занимались с рацией. Двое ушлепков сломали гарнитуру. Им сообщили, что вычтут из жалования.

О! А Олесь как-то забыл об этом. О жаловании. Что значит совок в крови. Привык, что родину надо любить за бесплатно.

Это Америка, сынок!

Завтра опять марш-бросок. На этот раз на двенадцать километров.

Они что, из нас бойцов 'Дельты' готовят? – Олесь посмотрел на высокие перистые облака, казалось неподвижно зависшие на месте. Вдоль опушки леса пролетел беспилотный аппарат 'Раптор'.

Когда уже у них начнутся занятия с электроникой?

1.07.2024 г. Украина г. Харьковская область. Чугуевский район п. Башкировка

Вылазка на природу все же дала себя знать. У них в казарме очень много простуженных и больных. У Олесь позавчера разболелось ухо, и уже третий день мучает кашель. И при этом спят они с открытыми окнами!

Получили деньги. После всех вычетов и расходов у Штепы осталось полторы штуки амеро. Это неплохо. Плохо другое. Отовариться на них можно только в магазинчике на базе. В самой Башкировке Американо не берут и почти не меняют. Можно сказать, совсем не меняют. Дикари.

Наконец начались профильные занятия. Как Олесь и подзревал, в группу операторов, связистов и робоповодырей его не взяли. Направили на ускоренные курсы переводчиков. То, что Штепа там учил, не оставляло сомнений, в том, чем ему придется заниматься в будущем.

'Стоять', 'руки за голову', 'где ты живешь', 'проход запрещен'...

Настроение – хуже некуда. Филипок же, наоборот, светится, как рождественская елка. Дорвался таки до своих желе-

зок. Теперь Штепа его почти совсем не видит. Фил пропадает в классах, на тренажерах и на летном поле.

Все остальное время – муштра, возня с парадными формами, зубрежка основ пропаганды и чистка оружия. Утром им теперь давали больше времени, чтобы одеться, в столовой тоже нормально можно было поесть, стрижки стали проходить на спортивные.

В пятницу лупили из М16 по мишеням. Олесь выбил двадцать пять из сорока. Если выбьет тридцать шесть из сорока, станет expert. Был сильный ветер, и в глаза сыпало песком. У Штепы заел магазин, потерял несколько секунд и пару патронов из-за этого.

Только расслабились – очередное испытание: газовая камера. Загоняли человек по тридцать. Помещение со слезоточивым газом.

– Снять противогазы!

Щиплет глаза и кожу, тут главное – не дышать. Штепа считал секунды. Сорок... шестьдесят. Большинство вокруг задышалось от кашля. Олесь сразу увидел, что хитрый Филипок задержал дыхание. Олесь сделал так же, но долго не выдержал. А у Филла широкая грудная клетка, хоть сам и маленький. Ему легче.

– Надеть и продуть противогазы!

Черт, как же жжет глаза. Остальные вообще в ауте. Противогазы полны соплей и слюней.

Еще пару раз повторили процедуру, к концу закашлял и

Штепа. На самом деле этот газ не только слезоточивый. Из носа тоже очень сильно течет. Почти триста человек плачут. Только Филипок и еще несколько ублюдков ухмыляются.

К концу восьмой недели отрядных лидеров, ординарца и писарей позвали учить 'зеленых', как нужно проводить генеральную уборку. Их очередь 'оттянуться'. Олесь едва не сорвал голос.

Финальные тесты. Понятно, что сдал – не сдал, не важно. Все равно выпуск состоится и всех зачислят в миротворческую бригаду. Плац, итоговое построение, бравурная музыка, пафосная речь капитана, рукопожатие, значок на груди, и вот Олесь уже едет домой в увольнительную. Сразу к маме. К зае... тьфу Елене не поедет. Он еще три раза отправлял ей с планшета письма. Не ответила.

Три дня дома, а затем в департамент за назначением.

28.04.2024 г. Самарская обл. п. Кряж. В/ч N 006584

Сержант Валиулин битый час раскладывал пасьянс за пасьянсом на своем мобильнике, сидя на подоконнике на втором этаже казармы. До обеда еще полтора часа, а глаза от этой хрени уже слезятся. Время от времени Валиулин бросал полный тоски взгляд на КПП N 2, где дежурил его кореш Димка Сажин.

Сержант не мог не заметить, как на площадку перед воротами мягко вкатился черный тонированный 'Nissan Murano'. За пятнадцать минут из него никто так и не вышел, и Вали-

улин продолжил насиловать мобильник и свои глаза. В следующий раз сержант поднял голову, услышав крики и шум борьбы, проникающие даже сквозь пыльные стекла в доисторической деревянной раме. На пяточке перед КПП прибавилось и машин и народу. Несколько солидных дядечек в окружении десятка шестерок стояли чуть вдалеке, а возле ворот, уже с внутренней стороны, колготились местные даги, что не давали покоя срочникам из разведбата в увольнительных в Самаре и в самом Кряже. Валиулин поискал глазами Сажина и увидел того, лежащего с раскинутыми руками. Явно без сознания.

К КПП уже спешил старший лейтенант Зенин. Трое кавказцев метнулись за казарму, четверо с ходу сбили с ног старлея и затащили его в КПП. Там уже орудовало несколько дагов, разбивающих телефон, режущих провод тревожной кнопки и вяжущих находившуюся внутри смену. Один абрек открыл ворота и в часть въехали три тентованные 'Газели', которые Валиулин не заметил, разглядывая происходящее на КПП. Из машин повалили наружу новые отряды кавказцев. Сержант наконец закрыл рот, засунул мобильник в карман и выскочил на лестницу.

Снизу уже поднимались даги. Часть из них ломанулись в комнаты на первом этаже, остальные на второй и выше.

Валиулин не успел и глазом моргнуть, как его припечатали к стенке и ударили ногой в живот. Отдышавшись, он на полусогнутых пошел по коридору. Из комнат то и дело

выскакивали ошалевшие бойцы. Они совсем не сопротивлялись, только некоторые из них пытались увернуться или прикрыться от ударов. Тем, кто пытался что-то сказать, джигиты демонстрировали ножи. Потом их снова били, но уже более изощренно. Одного бойца приложили головой о дверной косяк. В этой сумаатохе валиулину удалось выскочит на улицу. По пути он видел, как даги хозяйничали в комнатах разведчиков. Они шарили по тумбочкам, забирали все ценное. Солдат кавказцы заставили вывернуть карманы. Отобрали не только деньги и мобилы, но даже жвачку и сигареты.

На улице сержант едва не налетел на важно вышагивающего под окнами казармы военного в странном оливкового цвета мундире. Возле информационных щитов парковались два похожих на лягушек броневика. Валиулин растерянно оглянулся. За его спиной кавказец в спортивном костюме и кроссовках гнал подзатыльниками к оружейке одного из дежурных.

Сержант в задумчивости дошел до КПП и присел над Димкой Сажиним. Тот уже пришел в себя и, приподнявшись, ощупывал левой рукой свой затылок. Тут-то, наконец, на Валиулина и обратили внимание. Толстый кавказец, ухмыляясь, ткнул в сторону Димки пальцем:

– Забирай его и идите в казарму. – Для убедительности даг достал нож и, все так же ухмыляясь, принялся жонглировать им. Он так был уверен в своем превосходстве, что даже не стал смотреть на то, как выполняют его требование, а раз-

вернулся к ним спиной и вошел внутрь КПП. Сержант помог подняться своему корешу, и они вместе поплелись прочь. Но не в казарму, а на свое излюбленное место, за трансформаторную будку к пожарному щиту. Там они частенько укрывались от начальства. Могли часами напролет сидеть на ящике с песком, курить и трепаться обо всем на свете. Хорошее, укромное местечко, совершенно не просматривается извне. Зато отсюда видно и плац и ворота и вход в столовую.

Валиулин достал сигареты, закурил сам и предложил Сажину, но тот отказался, потрогав свои разбитые губы и поморщившись.

У ворот началась непонятная суета, створки разошлись, и на территорию части въехало несколько УАЗов с начальством. Их полкан и еще несколько офицеров выбрались наружу и в сопровождении тех самых дядечек, которые прихватили с собой два черных чемодана, отправились в штабной корпус.

Похоже, начальство совсем не удивилось происходящему тут.

– Дела. – Только и смог выдавить из себя сержант.

Вечером их построили на плацу. Зачитали приказ нового верховного главнокомандующего. Рассказали, что не справившийся с управлением страной президент подал в отставку, и предложили послужить новой подлинно демократической России. Предложили даже перезаключить контракты, так как старые теперь не действительны.

Вообще те, кто это устроил, сделали все очень грамотно. Выбрали момент, когда в расположении остался почти один молодняк, а старослужащие либо ушли в увольнительную, либо уехали на учения (их всех потом просто не пустили обратно в часть), черновую работу поручили отмороженным дагам, а затем просто занесли чемоданы с деньгами командованию, а солдатам предложили контракты вдвое больше прежнего.

Недовольным предложили собрать личные вещи(это после сегодняшнего шмона-то!) и убраться восвояси.

Валиулин с Сажиным так и сделали. Собрали что осталось, последний раз посмотрели на казарму, на крыше которой какие-то говорящие по-английски хлопцы монтировали спутниковую антенну, и мимо расхаживающих с автоматами дагов, направились за ворота. С ними ушли еще пятнадцать человек, включая старлея Зенина.

Михаил Гришин

29.04.2024 г. Москва Ново-Косино.

Где-то там наверху ветер, словно четки, перебирал податливые верхушки деревьев. Солнце, явно отлынивая от своих прямых обязанностей, досматривало десятый сон, укрывшись с головой ватным одеялом из облаков.

Холодно, сыро, противно. Ни один хозяин еще не выгнал на улицу свою собаку, а я уже плетусь по замусоренной

опушке леса в направлении столицы.

Холод меня и разбудил. В тот дом можно было забраться только через разбитое окно второго этажа, с крыши пристройки. Несмотря на всю ветхость жилища, к своему стыду, я так и не смог ни выбить дверь, ни отодрать хлипкие на вид ставни.

Спалось на вонючем старом матрасе плохо. В голову лезли мысли о местных клопах и пришлых солдатах. Да еще постоянный гул вдалеке и позвякивающие пыльные стаканы в рассохшемся трюмо, скажем так, не способствовали.

Как я потом узнал, это была бесконечная вереница транспортных всех мастей и расцветок. От старичков С-17 и 'Мрии', до 'Кондора', фотографии которого только-только появились в интернете. Как это там... Все флаги в гости к нам. Да.

В безуспешных попытках согреться, я бежал трусцой вдоль пустынной дороги и, массируя плечи, бубнил себе под нос присказку из старого, еще советского фильма:

– Надо меньше пить. Пить меньше надо.

Когда же, наконец, перестал скакать и растирать окочевшие уши, со стороны шоссе, к которому я шел и на котором рассчитывал поймать попутку до Москвы, стали явно доноситься лязг гусениц и порывки дизелей. Как любой мальчишка, воспитанный на фильмах про войнушку, сразу просек, что там твориться, и повернул назад. Даже если это и наши, то все равно в такое время простому

гражданскому оболдую нечего делать рядом с колонной бронетехники.

На всякий случай углубился мальца в лес. Конечно скакать по оврагам и спотыкаться о корни никакого удовольствия, но береженного бог бережет. Так я шел минут двадцать. Наслаждался особенной атмосферой ранневесеннего подмосковного леса, умиротворяющей тишиной и просто свежим воздухом. Кажется, даже начал мурлыкать себе под нос куплет известной песенки:

– А в Подмоскovie водятся грибы. Ягоды, цветы...

Стоп! Что-то воздух не такой уже и свежий. Сладковатой гнильцой откуда-то спереди тянет.

Благостное состояние с меня так и слетело. Перед глазами явственно встали горы трупов замученных американцами людей. Я сначала ломанулся прочь, не разбирая дороги. Потом остановился.

Нет! Я должен это видеть! Должен снять это на камеру смартфона.

Осторожно и медленно, чтобы ненароком не влезть во что-нибудь, пошел на все усиливающийся запах.

Вот и поляна среди ольховой заросли впереди просматривается.

А что это такое там среди деревьев белеет?

Тысячи куриных тушек! Десятки тысяч. А дальше горы из колбасы, ветчины, сосисок...

Обошел все это по большой дуге. За мясными завалами

начинались сырные, дальше кучи коробок с супами и кашами быстрого приготовления. Поднял несколько штук. На всех упаковках срок годности двадцать шестой год. Мясные продукты тоже свежие. И сыры. Были свежими...

Зачем их сюда выкинули? Кто? И почему именно сюда? От глаз людских подальше?

Помню, батя рассказывал, что когда валили Союз, в портах гноили контейнеры с рыбой и импортной птицей, на элеваторах зерно, а вот колбасно-мясную жратву сваливали в лесу. Горбачеву нужен был голодный и озлобленный народ, созревший для будущего спасителя с его западными кредитами.

Под запад и легли тогда за хавчик. А за каждый взятый в долг рубль отдавать, потом пришлось десять, И что, опять все повторяется? Придет добрый дядя и накормит? А жратва, тем временем по лесам гниет.

Паскудно как-то на душе. Чувствуешь, что тебя развели по-крупному, пока ты там копил на отпуск в Анталии и мечтал когда-нибудь купить поддержанную 'Октавию', а сделать ничего не можешь. Хочется придушить кого-нибудь.

Ближе к обеду, отмахав километров пятнадцать, перешел на другую сторону от железной дороги и... Заблудился в каких-то гаражах и сараюшках.

– Слышь, ты, лошара. А ну давай гребь сюда. Побазарим. – Они сидели на ящиках возле открытых ворот просторного бокса, где скорее всего разбирали угнанные тачки.

Таких мест только в нашем округе было около десятка, и если даже я знал об этих точках, то уж менты и подавно. В общем, этот доходный бизнес процветал лет тридцать минимум.

– Я тебя не знаю.

– А что, запахло с пацанами побазарить? Как зовут-то ты, кент?

– С какой целью интересуешься?

– Не понял.

Если тебе по случаю не удалось разминуться с гопотой, главное не начинать суетиться, не показывать свой страх. Сумеешь, играй по их правилам. Главное не оглядываться. Но и грубить тоже не надо. Они только и ждут предлога для наезда.

Улыбайтесь. Отвечайте твердо, но вежливо. Не выполняйте то, что они говорят. Сами подойдут, не развалятся. Не отвечайте на вопросы, не оправдывайтесь.

Наезд без повода по их понятиям – беспредел. Не давайте повода, но и не пресмыкайтесь. В свое время на этот счет меня просветил сосед с пятого, имевший на тот момент три ходки. Тем более, у меня пистолет.

Вон топает ко мне уже этот разговорчивый шкет. Шестерка.

– Имеешь мне что-то предъявить? – я эдак прищурился. Осталось только сплюнуть и достать кулек с семечками.

Ага, завис шкет. Похоже, застремался слегка. Уже не так

уверенно мне краба дает. Только у урлы на зоне рукопожатия вообще не приняты. Обойдется.

– Да я типа поручкаться хочу, пацан. Даров.

– Я тебя не знаю. – продолжаю гнуть свое. Но остальным, наблюдающим эту сцену, видимо надоела вся эта блатная дипломатия, и кутающийся в синюю робу старик проскрипел:

– Че, очкуешь? О, о! Гляди, Борцун, он волюну мацает! Гандонострел свой, держите мои тапочки. Борцун, разберись.

Здоровый мужик в синих спортивных штанах с лампасами и не заправленной майке- алкоголичке нехотя встал с ящика и вразвалочку направился ко мне.

– Але-мале, ты чо в натуре роги мочишь?

Коленки мои предательски задрожали, против своей воли затравленно огляделся по сторонам и вынул пистолет.

Гляди, какие глазастые. Заметили, как я нащупал кобуру под курткой.

– Ой, ой, ой. С газовым баллонном я хожу пижоном... Испугался я без базла. – шестерка зашла мне за спину. Путь к отступлению был отрезан. Не помогли советы дяди Коли. Наверное, они работают только при встрече с мелкой уличной шпаной, замороченной на этих понятиях. Эти же решили прибрать залетного лошка.

Я стоял и пытался нагнать внутри волну ненависти к этим козлам.

Бля, достали уже. Сколько народу беззащитного пореза-

ли...

Борцун подошел вплотную и уперся животом в ствол. Мой указательный палец на спусковом крючке дрогнул.

– Ша! – На пороге гаража появился пожилой поджарый мужик и медленно обвел всех тяжелым, холодящим душу взглядом. Такому убить кого, что высморкаться. – Что за кипиш? Ну-ка, сядки, все на базу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.